

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

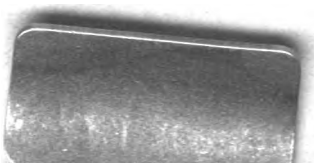
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

H. lit. u. 382 u-8

<36617872010010

<36617872010010

Bayer. Staatsbibliothek

2853

2

ТЕЛЕСКОПЪ

1851 АПРѢЛЬ N 8

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран .

- I. Захарія Вернеръ. 435
- II. Ночные Духи. Стихотвореніе. (*Н. Станкевича*). 470
- III. Мщеніе. Эпизодъ изъ льпописей современной жизни. (*Окончаніе*). . . . 474
- IV. Разсвѣтъ. Стихотвореніе. (*Д. Ознобичина*). 511
- V. Свойство и происхожденіе заразъ вообще и въ особенностяхъ холеры. (*Окончаніе*). 515
- VI. Библиографія : Сокращеніе всеобщей Исторіи. *А. Преображенскаго*. — Бѣллицъ. *Повѣсть въ стихахъ, А. Вельтмана*. — *Размышленія о важнѣйшихъ истинныхъ религіи Иерусалима*, пер. *Г. Крыловымъ*. — *Осень 1830 года. Дирико - Историческое Писмоптіе Сильнаго*. — *Essai sur la science et sur la foi philosophique par F. Ancillon*. . . 532

12/1/21

48T/92/2392

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЗАХАРІЯ ВЕРНЕРЪ.

Геній миспическій и геній драматическій кажутся двумя противоположностями, исключаящими взаимно другъ друга. Драма есть не что иное, какъ дѣйствіе. Миспичизмъ разрушаетъ дѣйствіе. По силѣ его, вещественныя событія жизни спановаятся символомъ — завѣсой, подъ коей сокрываются небесныя таинства. Драматическій поэтъ не имѣетъ нужды ни въ чемъ, кромѣ спраспей человѣскихъ, происшествій дѣйствительныхъ или вѣроподобныхъ: миспичизмъ ихъ не терпитъ; онъ опвергаетъ и разрушаетъ вещественность; его престоль посреди безплодныхъ духовъ, въ лонѣ того божественнаго и несовершеннаго свѣта, кошорый есть источникъ всякой жизни и всякой сущности. Земля, люди, на ней обитающіе, ихъ спраспи, ихъ неисповѣта — вотъ маперіалы сцены. Ей

ТЕЛЕСК. Ч. II.

30

принадлежитъ міръ , *который существуетъ*. Мистицизму оставляетъ она міръ , *который не существуетъ* или который не доступенъ еще для нашего виденія. Тонъ лирическій , свойственный преимущественно симъ таинственнымъ воспареніямъ души къ вѣчности , коими питается мистицизмъ , есть существенно не драматическій ; только посредствомъ искуснаго и удивительнаго сліянія двухъ противоположныхъ элементовъ , Греки умѣли соединить съ своею драмою , которая сама въ себѣ дышала споль могущественною занимательностію , лирическій энтузіазмъ хоровъ. Они совершили сіе чудо съ пѣмъ искусствомъ и съ тою совершенною гармонією , которыя составляютъ отличительный ихъ характеръ. Хоръ , лирическое и религіозное эхо чувствованій дѣйствующихъ лицъ , выражалъ великіе нравственные уроки , заключавшіеся въ дѣйствіи драмы : за бурными сраженіями спраспей , за дивными играми судьбы , кои выводились въ ней на зрѣлище , слѣдовало символическое изъясненіе , раскрывавшееся въ благочестивыхъ гимнахъ. Но хоръ не подавлялъ никогда истиннаго интереса драмы : его религіозное воспорженіе , оплитное по формамъ Эллинскаго Богопочтенія и обреченное на благоговѣйное служеніе красотъ природы вещественной , ограничивалось спрогими предѣла

ми и не проспиралось никогда до мистицизма, собственно такъ называемаго — до того мистицизма, который уничтожаетъ вещество и сокрушаетъ форму, дѣйствительность, организмъ, жизнь, намъ доведомую.

Нашимъ новѣйшимъ временамъ и народу наиболѣе метафизическому въ Европѣ — предоставлено было произвестъ поэта, коего необузданный мистицизмъ нокупался завладѣть безусловно сценою. *Захарія Вернеръ*, современникъ Гёте, Фихте и Жан-Поля Рихтера, отважился на сіе невозможное дѣло. Молніи генія прорѣзывались безпрестанно сквозь тучи его жизни, разражавшіяся слѣдствіями неполными, неправильными, несмысленными, но въ самой чудовищной своей нестройности, ознаменованными не рѣдко печатію гигантскаго величія, и пошому принадлежащими къ любопытнѣйшимъ явленіямъ нашей эпохи. Борясь съ природою вещей, *Вернеръ* пытался превратить драму въ символъ; и, вѣрный системѣ своей, какъ въ жизни, такъ и въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ, сдѣлалъ изъ существованія своего чудную комедію, въ коей мистицизмъ мыслей и неистовство дѣйствій сочепавались, или лучше, сражались между собою спраннымъ и необычнымъ образомъ.

Это былъ поэтъ *Вернеръ*, который, бывъ

представлень Госпожѣ Спаль, въ Коппетѣ, выдвинулся важно, окупавши свои сухія и неровныя плечи синімъ плащемъ, среди котораго блиспалъ красный крестъ; и, остановясь предъ сочинительницею *Коринны*, въ положеніи актера мелодрамы, произнесъ, на скверномъ Французскомъ языкѣ, голосомъ буйвола, вздумавшаго ворковать горлицей, оні спранныя слова : *«Matamel celui que sous forez est professeur t'amour.»*

И эпимѣ *Профессоръ Любви*, преслѣдуемый посмѣяніемъ, бѣдностью, опивращеніемъ, внушаемымъ его нескладностью, цинизмомъ и пороками, обязанъ былъ эпому чудовищному смѣшнію истиннаго генія и неисцѣлимаго безумія, славою не очень завидною, но весьма обширною. Если слава состоиптъ въ шомъ, чпобъ бытъ указываемымъ пальцами, по выраженію Горация :

«Digito monstrari et dicier:» hic est!»

по *Вернеръ*, изъ всѣхъ людей своего вѣка, наслаждался славою наибольширѣйшею и наиболѣйшею. Ни на кого не указывали такъ пальцами, какъ на него : по его спранныспи, по неопрыялности, по вдохновенному виду, по нелѣпому одѣянію, по бѣсноватому выраженію фізіономіи, по ухвашкамъ, доспойнымъ по *Діогена*, по *Индійскаго Факира*, по усердна-

го прихожанина Фламандской корчмы, его вездѣ узнавали легко и говорили: вотъ Вернеръ!

Присовокупите къ этой наружности, столь характеристической, его проповѣди, его обращенія, его гиперическій фанатизмъ, его чудотѣйственный скептицизмъ, его скипанія по Европѣ! Былъ ли, въ послѣднія времена, чудакъ, который бы привлекалъ болѣе любопытства, насмѣшекъ и жадныхъ взоровъ зѣвающей толпы? Имя его гремѣло во всѣхъ журналахъ. Въ Вѣнскихъ, Берлинскихъ и Лейпцигскихъ павернахъ порпретъ *Вернера* и пародія его дурачески въ шили праздности веселыхъ студентовъ. На паркетѣ мадригаловъ и эпиграммъ, куда эстетика и чай увлекаютъ сполько говоруновъ, богатыхъ фразами и скудныхъ мыслями, каждый наперерывъ хвастался, что это чудоще ему знакомо. Можно предполагать, что эти каррикатуры, составляемыя въпренымъ празднословіемъ, не были слишкомъ сходны; легкомысленность и злорѣчіе имѣли въ нихъ большую долю. Но друзья *Вернера* — тѣ, которые могли изучать и углубляться въ его характеръ — находились гораздо въ большемъ затрудненіи на счетъ его, чѣмъ другой всякой: ненавидѣть его было невозможно; извинять трудно: все побуждало его презирать; но нѣсколько очасплевыхъ порывовъ, нѣсколько яркихъ пробле-

сковъ души, возвращали ему насильно любовь. Это развращеніе нравовъ, идей и генія, которое оппечашлѣвалось во всемъ его поведеніи, предспавляло оппращипельное зрѣлище. Но между тѣмъ искренноспъ оппращалась въ его усиленныхъ спремленіяхъ къ чистоптѣ, оптѣ копорой онъ, по спранному пропиворѣчію, оппдался ежедневно болѣе и болѣе. Видно было, какъ эта оспрая, пламенная, неугомонная голова, билась посреди мяпежной борьбы идей, кипящихъ въ лонѣ Европы; какъ боролась она въ этомъ бурномъ океанѣ, волнуемомъ полнкимъ множеспвомъ пропивоположенныхъ системъ: неспособная держаться одной, прямой и пвердой дороги; увлекаемая спремленіемъ къ идеальной красотѣ и алчноспью чувспеннаго сладоспраспія; невольница безпредѣльнаго миспицизма и вмѣспѣ самага пылкаго пемпераменша; половина, пакъ сказаць, скопа и Ангела; парящая въ облакахъ символовъ и пайцспвъ и вмѣспѣ валяющаяся и гибнущая въ пинѣ спраспей; вѣчный примѣрь испины сихъ прекрасныхъ и глубокихъ словъ Ласкаля: «nous ne sommes ni anges ni brutes; et qui veut faire l'ange, fait la brute».

Весьма легко въ *Вернерѣ* признашь, съ опптънками, принадлежащими его эпохѣ и оппчеспву, поже самое уклоненіе къ излишеспву, копорое оппичало Жан-Жака Руссо. Вся бѣ-

да краснорѣчиваго Женевскаго мечтателя со-
споняла въ помѣ, что онъ весьма часто смѣ-
шивалъ наслажденія чувствъ съ наслажденіа-
ми души и не соблюдалъ мѣры ни въ пѣхъ,
ни въ другихъ, на счетъ истинной мудро-
сти. Опъ такого смѣшенія происходитъ родъ
изскупленнаго сенсуализма, который не имѣ-
етъ недосыпка ни въ поэзіи, ни въ величіи, ни
въ опасностяхъ. Человѣкъ, предавшійся ему,
обоготворяетъ природу и вещество: прекло-
ня коленъ предъ собственными своими вож-
делніями и спрашями, углубляясь въ свои
спраданія и муки съ чувствительностію и
удовольствіемъ, доспойными сожалѣніа, пре-
вращая разумъ въ буйное изскупленіе и обма-
нывая самаго себя для удобнѣйшаго приведенія
въ систему своихъ наслажденій, онъ, безъ въ-
дома своего, доходитъ до нѣкотораго рода
эгоизма, чувственнаго и пламеннаго, мало
полезнаго людямъ, богатаго бѣдственными
слѣдствіями для самаго себя, неспособнаго къ
твердому сопротивленію ударамъ судьбы, пре-
бывающаго опъ свѣта и опъ жизни невозмож-
наго совершенства и перераждающагося не-
избѣжно въ мрачную, палящую, убійствен-
ную мизантропію. Въ Руссо, какъ и въ *Вер-
неръ*, сверкаютъ благородныя чувствованія,
безъ всякаго вліянія на поступки; пламенная
попребность добродѣтели, безъ поспоянства.

енергіи и благоразумія; спремительные порывы къ испинѣ, безъ спокойствія, необходимаго для внушенія и уразумѣнія ея таинственныхъ глаголовъ; горнило внупреннаго пламени, болѣе пожирающаго, чѣмъ освѣщающаго. Это храмъ, въ коемъ священный огонь, расперянный небрежными руками, оставилъ однѣ только развалины; въ коемъ все сдѣлалось хаосомъ, опустошеніемъ, гибелью. Чернь проходитъ, смопритъ на величественныя руины и — едва посвящаясь одну слезу эпимъ высокимъ способностямъ, копорыя уничтожили сами себя и сдѣлались предметомъ ужаса и сожалѣнія для міра.

Въ отношеніи къ искусству, *Вернеръ* гораздо ниже *Руссо*. Онъ не понималъ самъ себя. Его неспройной системою недоспавало связи; его мистическій сенсуализмъ, великолѣпное воспроизведеніе квіешизма Молинистскаго и символовъ Тамплиерскихъ, возбуждалъ омерзѣніе. Ничего полнаго не было въ эпой главоѣ; да и какъ могло бытъ? Онъ пресмыкался по землѣ и парилъ во глубинѣ небесъ. Скептикъ и теософъ; дерзкій и слабый; съ воображеніемъ необузданнымъ и съ умомъ безсильнымъ; вдохновенный, но подобно Пивіи, упоенной до помѣшательства парами своего преножника — онъ пытался соединить,

въ чудовищномъ сочепаніи, то, что есть на землѣ матеріальнѣйшаго, то, что спрасити имѣють сильнѣйшаго, и то, что находится эеирнѣйшаго въ обширныхъ пространствахъ безконечной поэзіи. Аскетъ и рабъ сладоспрасіи, раздираемый варварскою нестройностью споль разнообразнаго смѣшенія, онъ дозволялъ владѣть собой уму буйному, заносчивому, своеобычному, вмѣсто того, чтобы самому владѣть и управлять имъ. Добросовѣстный, но въ сумасшествіи, онъ заслуживалъ сожалѣніе и снисхожденіе къ просподушной опкроушенности выспреннаго безумца, часню смѣшнаго, но всегда праводушнаго и чистосердечнаго.

Внутренняя жизнь *Вернера* моглабы быть предметомъ любопытнаго психологическаго изученія. Одинъ онъ могъ бы это сдѣлать; но, по недостатку вниманія, сосредоточенности, глубокомыслія, никогдабы не окончилъ эпои работы, коей матеріалы находились у него одного во власпи и распоряженіи. Эпа буйная голова никогда бы не собралась съ смѣлостью, досугомъ и силами, чтобы разсмопрѣть и разрѣшинъ саму себя. Что касается до его внѣшней и дѣятельной жизни; сошканной изъ заблужденій, дурачества и прошиворѣчій, она представляется наблюда-

пшло не инымъ чѣмъ, какъ разнородною мас-
сою, логогрифомъ безъ разгадки. а)

Фридрихъ-Людвигъ-Захарія Вернеръ родился въ Кенитсбергѣ, 18 Ноября 1768. Опецъ его былъ Профессоромъ Краснорѣчія и Философіи въ тамошнемъ Университетѣ: онъ исправлялъ еще должностъ Драмагическаго Цензора; эпо доставило сыну его случай посѣщати часто театръ, коего двери были всегда для него отворены, и развило въ немъ рано вкусъ къ сценическимъ предспавленіямъ. По крайней мѣрѣ прудно иначе изъяснишь приспрасіе его къ искусству, отъ котораго собственныи его геній и способности души рѣшительно его опдалали.

Бѣдный Профессоръ и Ценсоръ, котораго одно шолько шипло опца *Вернерова* завѣщаваніе воспоминанію попомспва, оставилъ міръ, спустя чепырнацать лѣтъ послѣ рожденія своего сына. Дипя оспалось въ рукахъ мапери, которая любила его нѣжно, но сей самой нѣжностію имѣла пагубное вліяніе на жизнь поэта. Женцина исперическая, глубоко убѣжденная въ небесномъ посольствѣ, возложенномъ будшобы на нее самимъ Бо-

а) *Гитцигъ*, другъ и собесѣдникъ *Вернера*, оставилъ начертаніе его жизни, которое бросаетъ много свѣта на эшо чудное явленіе.

гомъ, она считала себя новымъ воплощеніемъ Дѣвы Маріи и не сомнѣвалась, чѣмъбы *Захарія Вернеръ* не былъ Шилоэ, обѣщанный въ Священномъ Писаніи. Будучи подвержена припадкамъ нервическимъ, меланхоліи и ипохондріи, она сообщила дышати, которое носила въ своихъ нѣдрахъ, сѣмена тогоже неисцѣлимаго безумія. Ничто не имѣетъ столько вліянія на нашу жизнь, какъ сіи первыя впечатлѣнія, коими обыкновенно пренебрегаютъ. Въ самомъ нѣжнѣйшемъ возрастѣ, по приходамъ маперей и кормилицъ, нарѣзывающихся первыя черты нашего характера. Жан-Жакъ Руссо справедливо замѣтилъ, что наша нравственная жизнь начинается съ эпой непримѣяемой эпохи. Подъ одною кровлею, но въ различныхъ эпажахъ тогоже дома, жили два ребенка, изъ которыхъ одинъ осмью годами былъ старше другаго; *Вернеръ* и *Гофманъ*: оба вскормленные и воспитанные двумя несчастными маперями, коихъ нервическое расстройство доводило до сумасшествия, они принесли въ свѣтъ неизгладимую печаль своего воспитанія. Ихъ понятія извратились очень рано; юный мозгъ ихъ былъ распроектъ; никакая привычка къ порядку и вниманію не обезпечивала ихъ на будущую жизнь. Нѣкоторый родъ фантасмическаго упоенія былъ привыкъ къ нимъ въ колыбели; они всосали

его съ молокомъ ; и ни гнѣй , ни успѣхи не могли излѣчить ихъ.

Юность разгульная, безпорядочная, разсыпанная, смѣнила это злосчастное дѣтство. *Вернеръ* назначилъ себя для юриспруденціи ; но его ученіе шло безъ всякаго порядка. Мѣняя ежегодно мѣста своего пребыванія ; увлекаясь шумомъ большихъ городовъ , въ коихъ жилъ ; перебѣгая поочередно то въ Берлинъ , то въ Варшаву, и вездѣ накопляя на себя кучу долговъ— въ тридцать три года, онъ успѣлъ прогнать отъ себя двѣ жены формальнымъ разводомъ и искалъ претѣй. Его доброе имя было поперяно, здоровье разстроено , воспитаніе не докончано. Займодавцы преслѣдовали его ; и , еще не достигши половины своей жизни, онъ уже пережилъ всѣ свои надежды и созерцалъ собственныя свои развалины.

Такое положеніе ужасно ! Оно было общее Руссо, Байрону, большей части знаменитыхъ мизантроповъ. Какой-то энтузіазмъ, тайный и неопредѣленный, одушевлялъ еще ихъ посреди угрызений и паденія. Распочивъ , въ разсыпаніи и порокахъ, самые блестящіе годы своего существованія , они бросаютъ печальный взглядъ на судьбу свою и на минувшія заблужденія. Сей несокрушимой вещественности, копорая возникаетъ предъ ними во всей ужасной наготѣ своей , противопостав-

люютъ они неугасимое пламя души своей. Ихъ изступленіе разгорячается еще болѣе смутнымъ чувствомъ презрѣнія, которое они должны внушать: они бьются подъ пяжестью собственныхъ воспоминаній. Тысячи призраковъ химерическихъ добродѣтелей возникаютъ въ ихъ душѣ, жаждущей загладить слѣды слишкомъ очевидныхъ заблужденій. Проникнувшие презрѣніемъ и отвращеніемъ къ своимъ дѣйствіямъ, они бросаются въ міръ воображаемый: тамъ ищутъ утѣшенія и прибѣжища. И—несчастливцы, не могущіе спастись отъ самихъ себя—они бывають обречены своей грусти тѣмъ раскаленнымъ и свѣтлѣющимъ колоритомъ, коимъ оцѣпляютъ мечпы ихъ: это зарево пожара; это слѣды боли наилютѣйшей! Свѣтъ, любясь кровавымъ пламенемъ, коимъ облипы ихъ творенія, не знаетъ, чего споили онъ творцамъ своимъ.

Когда *Вернеръ* удостовѣрился наконецъ, что обыкновенный порядокъ жизни не сотворенъ для него и что его практическое поведеніе будетъ всегда неуспроено и злосчастно, онъ ринулся въ область метафизики и аскепизма. Здѣсь-то — въ сей безднѣ безпредѣльной и непроходимой — онъ заперялся совѣмъ, чтобы позабыть себя.

За нѣсколько миль отъ Варшавы, во глу.

бинѣ дремучаго бора, коего сѣдые корни
 подмываются Вислою, сокрывается монастырь
 Камальдульскій, подчиненный правиламъ, не
 уступающимъ въ строгости суровой дисци-
 плинѣ Ла-Трапистскаго Ордена. *Вернеръ*, нахо-
 дившійся тогда на службѣ у Прусскаго Пра-
 вительсва въ качествѣ Камеральнаго Сек-
 ретаря (*Chancier-Secrétaire*), утомленный чув-
 ственными наслажденіями, не оставляющими
 послѣ себя ничего, кромѣ угрызений и ниспо-
 пы въ душѣ, имѣлъ обыкновеніе, во все лѣто
 1800 года, ходить каждую субботу по вече-
 рамъ въ Аббатство Бѣланы — такъ оно на-
 зывалось. Одинъ другъ сопровождалъ его. По-
 молившись въ монастырской церкви, они вмѣ-
 стѣ бродили по лѣсу: маленькій челнокъ во-
 зилъ ихъ по Вислѣ; палашка, ими самими
 раскинутая, служила имъ приютомъ. Въ сихъ-
 то уединенныхъ прогулкахъ, мистическое
 изступленіе *Вернера* развивалось поспешенно.
 Порываемый всеми вихрями прошивныхъ уче-
 ній, онъ разбивалъ ихъ на досугъ съ своимъ
 другомъ, подъ кровомъ небесъ и сѣнію листьевъ.
 Онъ чувствовалъ, что ему оставалось одно это
 наслажденіе и что по собешвенной его винѣ,
 будущность на землѣ опщѣла для него. Оп-
 скуда—его новая спросъ къ спиритуализму,
 раскаленная всѣмъ огнемъ, всею пылкостью
 темперамента и фантазіи, коими снабдила

его природа. Неспособный къ построению какой-нибудь логической системы или къ произведенію изъ ней, шагъ за шагомъ, строгихъ выводовъ, онъ мѣшалъ и пупалъ, между собою, съ чудною понкостію, прикрывавшею нѣсколько безразсудную нескладность его умствованій, всѣ теоріи скептицизма, пантеизма и спиритуализма: взгромождая прошиворѣчія на прошиворѣчія; будучи поэтомъ, тогда какъ видѣлъ въ себѣ философа; обоготворяя всѣсвѣтвенный міръ, въ то время какъ провозглашалъ себя еесотомъ; заклиная духовъ и считая себя рационалистомъ; кружась въ шуманномъ вихрѣ невѣрныхъ положеній и яркихъ призраковъ. И ктобы могъ вообразить, чѣмъбы слѣдствіемъ всѣхъ этихъ прошиворѣчій, плодомъ всѣхъ этихъ грезъ—была драма? Только Вернеру предоспавлено было сплести въ одно общее кольцо всѣ эти нити и всѣ крайности. То, что Іаковъ Бемъ и Шведенборгъ изложили мистическимъ языкомъ, Вернеръ преобразилъ въ трагедію. *Сыны Долины* (*die Söhne des Thals*) — драма въ двухъ частяхъ, шести актахъ и двухъ томахъ—были плодомъ сихъ собесѣдованій о мірѣ, о природѣ, о Богѣ, о душѣ, о символѣ, объ ангелахъ, о смерти, о безсмертіи. Въ послѣдствіи будетъ показано, какое невѣроятное драматическое чудище оплилось въ этой необычайной лабораторіи.

Впрочемъ *Вернеръ* отвергъ бы съ презрѣніемъ мысль быть поставленнымъ на ряду съ драматическими поэтами. Его трагедія зародилась въ немъ посреди скалъ и лѣсовъ; подобно Пивагору, онъ изслѣдывалъ свои философскія мнѣнія, попирая бредучей стопой несокъ прибрежный. Онъ считалъ себя прозорливцемъ (*vates*), вѣщимъ пророкомъ, освященнымъ исполковапелемъ іероглифовъ природы. Поэтическій талантъ былъ для него нѣсколько средствомъ опкровенія великихъ таинствъ вѣры. Погруженный въ сію новую увѣренность, онъ почилалъ свои творенія свѣпоноснымъ лучемъ, долженспвовавшимъ испоргнуть людей изъ ихъ усыпленія. Предъ ихъ сіяніемъ пропешпаннизмъ долженъ былъ исчезнуть, каполицизмъ уничтожиться: шлегель, Тикъ и Гёте долженспвовали непременно сдѣлапья его адептами. Какъ новый посланникъ неба, *Вернеръ* замышдалъ пересоздать вселенную.

Но какой же былъ новый религіозный шиптъ, имъ возвѣщаемый? Послушаемъ самаго проповѣдника: его смупныя и таинспвенныя выраженія поразяптъ васъ какою то неопредѣленною мелодією, но не опиовутся для васъ никакимъ смысломъ. »Я оспавилъ«—говориптъ *Вернеръ* — »мысль быптъ единымъ и

*нѣтъ-то; я хочу быть нѣтъ, чтобъ быть
остѣтъ !»*

Если, разсѣявши первое впечатлѣніе презрѣнія, возбуждаемое симъ іероглифическимъ нарѣчіемъ, коимъ такъ часто прикрывается опиврапительное шарлапанство, попытаться приподнять покровъ его: то окажется, что основаніе ученія, проповѣдуемаго *Вернеромъ*, было совсѣмъ не ново. Онъ домогается разрушить недѣлимость человѣческую и поглотить свое личное единство, эгоистическое по необходимости, въ пучинѣ великаго *всецѣлаго*. Браминны, Плотинъ, большая часть Греческихъ Пантеистовъ, исповѣдывали пуже систему. Даже кашолицизмъ напипанъ ею: и опсюда эти теоріи самоопроверженія, это опіреніе опъ міра, эта пошребность возвыпашья къ источнику быпшя, дабы погрузипья и уничпожипья въ безпредѣльномъ океанѣ чистой любви. Фенелонъ и Квіеписты а) приближались къ сему началу. Спонки домогались птакже «поглотипъ свое я въ идеѣ,» по есть — принудипъ эгоизмъ исчезнушь предъ всеобщимъ разумѣніемъ сгладипъ съ земли

а) См. *состязанія* Боссюеша и Фенелона о чистой любви, разговоры *Лабрюера* и превосходное разсужденіе *Боссе* о семъ опвлеченномъ вопросѣ, въ его *Жизни Архіепископа Калибрейскаго*.

человѣка какъ особенное недѣлимое существо, преобразить весь нашъ родъ въ идеальную массу, которая бы единодушно возвергалась къ Божеству. По мнѣнію всѣхъ сихъ философовъ, польза и благополучіе совсѣмъ не нѣ предметы, коихъ должны мы желать и искать здѣсь. Мы должны любить Бога для Него Самого и уничтожать совершенно себя, чтобы любить Его. Наши мысли должны задушать сами себя; наши наслажденія должны быть преданы забвенію; наше привязанности должны быть распоргнуты; наши плѣмо, наша душа, наша воля, наши наклонности, самыя добродѣтели наши—ничто. Богъ есть все.

Пусть преслѣдована будетъ до самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ эта система, разрушающая вѣщественнаго человѣка и приносящая бытіе его въ жертву Творцу: тогда самая добродѣтель сдѣлается преступленіемъ, если ея цѣлю и вождѣльному наградою будетъ божественное мздовоздаяніе. Мы не должны будемъ полагаться даже на безсмертіе своей души: Всемогуцій можетъ сдѣлать изъ насъ все, что Ему угодно. Влеченія нашихъ чувствъ суть влеченія порочныя; любовь наша къ жизни есть заблужденіе; привязываться къ существованію значить дорожить наслажденіями, которыя оно представляетъ; а это—преступная личность;

это значитъ забывать Бога, не признавать великаго всеединаго, которое сотворило насъ, презирать и оскорблять верховную самосущность, безъ которой мы ничто и въ нѣдрахъ коей спановимся снова Богомъ.

Узы гражданской общественности разрушаются; всеобщее безспрасіе овладѣваетъ человѣчествомъ; міръ засыпаетъ въ блаженствѣ безпредѣльнаго созерцанія и благоговѣнія: вопъ слѣдствія, въ кои упирается необходимо миспицизмъ *Вернера*. Таково ученіе, коего проповѣдниками хотѣлъ онъ сдѣлать Шлегеля и Тика: таково основаніе его великой драмы, и гимнъ, воспѣтый симъ первосвященникомъ новаго закона! Нельзя довольно надивинься эпой чудной, или лучше, чудовищной разнородности. Сколько слабости въ волѣ и сколько дерзости въ мысли; жизнь столь грубая и виды столь эеирные; человекъ такъ глубоко неспособный ни къ какому обдуманному и основательному дѣйствію, такъ несвѣдущій въ людяхъ, такъ слѣпый и такъ легкомысленный въ своемъ поведеніи; эпопъ благовѣспникъ чистой вѣры, помышляющій объ обращеніи на пупъ испины всего міра, и которому вы не довѣрилибъ попеченія объ одномъ деревенскомъ приходѣ: какая загадка, какое бытіе, какая проблема! И Брахманъ и Невѣрный, и Тамплиеръ и Хри-

- стіанинъ—все вмѣстѣ!... Сміялся ли надъ симъ страннымъ явленіемъ, или лучше, почпипъ слезами искренняго состраданія сего злополучнаго мученика самой чудной организаціи, какая только существовала когда-либо?...

Въ упоеніи бродящихъ своихъ мыслей, *Вернеръ* спановилъ собственнымъ своимъ игральникомъ: онъ не хотѣлъ обманывать свѣта, но думалъ, что его просвѣщаетъ; будучи безкорыстнымъ миссіонеромъ, онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ эпо преимущество предъ большею частію основателей пропагандъ. Его дурачества извинялись его добросовѣстностію и чиспосердчіемъ.

Вскорѣ новое безразсудное дѣйствіе вписалось въ лѣтописи эпои плачевной жизни. Будучи вдовцемъ опъ двухъ живыхъ женъ, *Вернеръ* женился на претпѣй, которая была Полька рѣдкой красоты, но безъ всякаго соспоянія. Самъ онъ не зналъ ни слова попольски; она ничего не знала пошѣмъ: между тѣмъ они поняли другъ друга; и нашъ спиритпואлистъ, обремененный долгами, навязалъ еще себя на шею жену, коей все приданое соспояло въ однихъ прелеспяхъ. Едва заключилъ онъ эпоиъ новый союзъ, какъ потерялъ свою мать. Въ жизни, представляющей столь мало достойнаго похвалы, весьма пріятно

найши хотя одинъ долгъ исполненный, хотя одну привязанность дѣйствительную, глубокую, основательную, хотя одну преданность искреннюю и благородную. *Вернеръ*, при одрѣ своей злополучной матери, искупилъ опчасши горести, коими усыялъ печальные дни ея. Последнія смертельныя боренія скудости, безумія, злополучія—были улажены поэтомъ: свое время, свои труды, свои мысли—все опдалъ онъ своей матери: это сердце, изнуренное толпами заблужденіями—опоздалось и воспрянуло на зовъ долга. Богъ сотворилъ *Вернера* не для столь пагубнаго употребленія своихъ способностей: онъ былъ богатъ благородными склонностями; но, это сокровище, вѣтренное организаціи столь неисповой, распочилось, какъ драгоценная влага, которой не можетъ удержатъ сосудъ разбитый. Онъ развѣялъ по вѣтру благородное наслѣдіе души своей: и, спыдясь своего внутренняго запускѣнія, обрѣлъ по крайней мѣрѣ утѣшеніе въ искренней любви къ своей матери. Къ ней спремилась его мысли, къ ней порѣвался онъ воспоргомъ очищеннымъ. Посреди трудовъ, посреди мукъ, посреди угрызений, воспоминаніе матери воззывало для него минувшыя пишины и надежды. Онъ посвящилъ ей одну изъ лучшихъ своихъ трагедій: *Мать Маккавеевъ* (die Mutter der Maccabäer);

и нѣтъ ничего прогашельнѣе, какъ это посвященіе возлюбленной пѣни: оно ошзывается глубокою скорбію. »О маць моя!« восклицаетъ онъ: »наслажденія любви, розы жизни—все погибло на твоємъ гробѣ!« Она умерла *двадцать четвертаго Февраля*. И это роковое число избралъ онъ въ заглавіе для произведенія самаго плачевнаго и самаго раздирающаго а). Во всѣхъ слѣдовавшихъ его твореніяхъ ощушительно неизгладимое впечатлѣніе, которое оставило въ немъ сіе произшествіе. Мы предоспавимъ ему самому описатьъ его въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гипцигу:

»Богъ поразилъ мнѣ сердце желѣзнымъ молопомъ. Маць моя умерла 24 Февраля, въ шопъ самый день, въ который Мніохъ, другъ мой, испустилъ послѣдній вздохъ. Когда я, послѣ сего страшнаго удара, хотѣлъ приснупипъ къ свяшой прапезѣ причащенія, какое неизъяснимое чувство болѣзненнаго состраданія возбудила во мнѣ вся моя поэзія и мои *Сыны Долины*, въ коихъ я пославлялъ свою славу? Маць моя! Какая поэзія сравнилась съ этимъ могущесвомъ души, которое дало ей силу вынесшъ семь лѣтъ мученическаго страданія

а) Произведеніе сіе переведено на Русскій языкъ однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ писателей и будетъ помѣщено въ *Телескопѣ*. Изд.

безъ малѣйшаго ропоша! Какія муки сравняются съ пѣми, которыя я чувствовалъ! О какъ тяжело гнетупъ мою душу преступленія моей молодости! Чего не далъ бы я, чтобы снова увидѣть мою мать и искупить мои заблужденія! Сердце мое, полное слезъ, нищенно ищетъ облегченія: мертвые не восстаютъ, преступленія не изглаждаются: прошедшее вѣчно и невознаградиво. Богъ и наша мать: вопъ что должнобъ было занимать насъ прежде всего: остальное презрѣнно и ничтожно! И это оспальное поглощало пакъ долго все бышїе мое!»

Не смотря на сей поржеспивенный урокъ, поведение *Вернера* не перемѣнилось. Онъ ворошилъ въ Варшаву, гдѣ связался пѣснѣйшимъ образомъ съ Гофманомъ и Гипцигомъ, свидѣтелями его безпреспанныхъ спранныхъ, въ коихъ Гофманъ однако не имѣлъ по крайней мѣрѣ права упрекать его. Сполица Польши должна была понравиться мечпашельному воображенію *Вернера*, по чудной прошивоположенности контрастовъ, въ ней заключающихся. Тамъ нищета и богатство толкутся другъ возлѣ друга: все ярко или отвращпительно; либо смрадные рублица, либо ослѣпительная пышность: символъ слишкомъ почный спранный и многосложный генія, копорый соспавляетъ теперь предметъ нашего изслѣдованія.

Представляйте себѣ обширный городъ, столько же пестрѣющій языкомъ, сколько обычаями и зданіями, самыми разнородными. Широкія улицы, великолѣпныя палаши въ Ипаліанскомъ стилѣ, длинныя колоннады — и подлѣ нихъ хижины, подобныя вигвамамъ дикихъ; Азіяпская пышность обѣ руку съ Ескимосской неоприятностью; ничего однороднаго, ничего спеленнаго, ничего довершеннаго; живописный маскарадъ, вѣчный вихорь; монахи всѣхъ црѣшловъ и всѣхъ орденовъ; монахини Капюлицескія и Греческія; толпы Израильшянъ съ длинными бородами и рои молодыхъ Полекъ, блестящихъ всѣми прелестями красоты и разцвѣченныхъ всѣми опшѣнками; спарый суровый Сармапъ, кошораго кафшанъ и сабля, желшые сапоги и кушакъ супъ живые памяшники временъ минувшихъ, и молодые въпрогоны, передразнивающіе Парижскихъ фашіонаблей; Французы, Турки, Греки, Русскіе, Ипаліанцы; зрѣлища Польскія, Французскія, Ипаліанскія, Нѣмецкія; множесшвороскошныхъ пешастральныхъ шрушпъ; вѣчный базаръ внутри города; балы и веселья во весь годъ; блестящіе экипажи, каплящіеся по площадямъ, наполненнымъ нищими и бродягами, ворожеями и шарлащанами, лубочными пешапрами и ребяпишками, заспавляющими плясашъ обезьянъ: вопшъ вѣрный очеркъ эшой Сѣверной Венеціи! И въ шаконъ городъ—

сколько пищи для воображенія пылкаго, любящаго зрѣлища спранныя, жаднаго до перемѣнныхъ сценъ и разнообразныхъ впечатлѣнй! Сколько приманки для людей, коихъ увлекаетъ всякое минувшее впечатлѣнйе и копорые никогда не умѣютъ пропивившись искушенію соблазна! Таковы именно были *Гофманъ* и *Вернеръ*. Посему они спарались продлиль свое пребываніе въ Варшавѣ, сколько могли. Ихъ характеры такъ были сходны между собою, что имъ мудрено было не сполкнушья; но, посреди шумнаго и неутомоннаго общеспіва, они не имѣли времени возненавидѣль другъ друга.

Иногда фантастическій Гофманъ любилъ подспруннль надѣ землякомъ своимъ. Однажды, на примѣрь, находясь при чпеніи *Креста на Балтійскомъ Морѣ* (*das Kreuz an der Ostsee*), извѣспной драмы *Вернера*, онъ оспановилъ декламзцію поэта, съ перваго спиха, оспроумною выходкою, о кошорой сохраниль воспоминаніе самъ въ одномъ изъ своихъ спранныхъ произведепій, извѣспномъ подѣ именемъ: *Scapion's Bruder*.

Среди залы находилъ *Вернеръ*, сморщивъ лице, выпянувъ шею и исказивъ роппь одною изъ пѣхъ улыбокъ, кошорья принадлежали ему одному: передѣ нимъ спояль маленький споликъ и на эппомъ маленькомъ споликѣ двѣ свѣчи. Во глубинѣ залы, наполненной липсе-

рапорами Нѣмецкими и Польскими, сидѣль, съежившись Гофманъ, съ своею кошечьею фізіономією и шушовскою осанкою. Ошкрываеися чпеніе. *Вернеръ* описываепть мѣсто дѣйствія и начинаепть воззваніемъ дикихъ Пруссовъ къ ихъ свирѣпому Богу:

Wangputtis! Wangputtis! Wangputtis!

Изумленные слушатели смопряпть во всѣ глаза другъ на друга; *Вернеръ* повпоряепть свое страшное заклинаніе. Вдругъ раздаепть пронзительный голось Гофмана, подобно свиспку, изъ угла, въ которъй онъ забился: »другъ мой! любезный мой другъ! поэпть! зиждипель! не ужели всѣ пяпть дѣйствій пвоего пворенія написаны на эпмѣ черповскомъ языкѣ! Если пакъ, по заклинаю тебѣ именемъ сапаны, которъй тебѣ дикповаль его, пощади насъ опъ пексша и угоспи однимъ переводомъ!« Громкій хохощъ раздался повсюду въ слѣдствіе сего дружескаго возгласенія; и *Вернеръ* не смѣлъ продолжати далѣе.

Не смопря на такой варварской прологъ, въ *Крестъ на Бальтійскомъ Морѣ* не лѣзя не признапть високаго паланша. *Вернеръ* избралъ эпоху дикую и опдаленную, лица полубаснословныя, харакперы недюдимые и миспическіе, въ гармоніи съ его паланшомъ и образомъ мышленія. Грозный сумракъ носипся надъ сценою: эпю—хриспіанское образованіе въ борбѣ съ дикимъ язычеспвомъ. Не лѣзя

видѣшь безъ изумленія и страха, какъ проспый деревянный крестъ возвышается исполински и покоряетъ себѣ вѣковыя скалы; какъ древніе боги дубравъ, горъ и долинъ прошивопоспавляють свою свирѣпую мощь первымъ лучамъ, проливающимся отъ священнаго знаменія искупленія; и пишаническая упругость дикихъ ордъ опспуспаетъ медленно, какъ бы пядь на пядь, предъ успѣхами новой вѣры. Чѣмъ болѣе мрачной шоржеспвенности и величеспвеннаго миспицизма въ языкѣ поэта, тѣмъ живѣе доспигаетъ онъ своей цѣли; сквозь шаниспвенную свѣшлость его мысли, различаешь, не безъ ужаса, всѣ сіи колоссальныя облики: суровую ревность проповѣдниковъ и варварскій фанапизмъ шуземцевъ. Надъ симъ кровавымъ зрѣлищемъ возникаетъ, подобно опдаленному и полу-изглаженному сіянію свяшыхъ, надежда небесная и чиспоша христіанства. Нѣкоторыя шворенія Кальдерона имѣють тѣже достоинства, соединенныя съ выраженіемъ болѣе украшеннымъ, съ прелестію ровнѣ выдержанною, съ краснорѣчіемъ убѣдительное проникающимъ. Но въ семъ швореніи *Вернера*—(чшо не слишкомъ обыкновенно у него)—есть и инпересъ и планъ и басня; почему оно, по нашему мнѣнію, выше *Мартина Лютера* и многихъ другихъ драмъ тогоже поэта, предпочишае-

мыхъ прихотью публики или понуканіемъ криптиковъ.

Лютеръ или Освященіе Силы (die Weihe der Kraft) начатъ въ Варшавѣ и продолжаемъ былъ въ Берлинѣ, куда *Вернеръ* въ 1807 перенесъ свое пребываніе. Здѣсь открылось было для него поприще болѣе блистательное, но не болѣе счастливое. Миспичизмъ и франк-масонство пріобрѣли въ Германіи адептовъ между дипломами и самыми знаменитыми государственными людьми. Фон-Шрепшеръ, Государственный Министръ, пораженный сходствомъ идей Вернера съ собственными мечтами, взялъ его съ собою въ Секретари: спустя не долго послѣ сего произведши, драма: *Лютеръ*, представленная на Берлинскомъ театрѣ, получила блистательный успѣхъ; для поэта это была эпоха торжества и благоденствія. Неспособный къ благоразумію и прозорливости, онъ дозволилъ себѣ ослѣпиться сугубымъ очарованіемъ новаго своего положенія, чѣмъ имѣло пагубнѣйшее вліяніе на его будущность.

Въ первый разъ еще, поэтъ увидѣлъ себя тогда въ обществѣ дѣльномъ, спешномъ, ученомъ и оспроумномъ. Это былъ уже не шопъ рыцарскій карнавалъ, который пестрѣлъ предъ нимъ въ Варшавѣ. Каждый изъ нихъ, кои въ Берлинѣ шѣснились вокругъ *Вернера*, имѣлъ рѣшительное вліяніе на міръ дѣй-

спвишесльный или на мѣръ мысли. То—Іоаннь Миллеръ, по—Фихте Метифизикъ. . . *Вернеръ* видѣлъ себя брошеннымъ въ кругъ, гдѣ умспвенныя силы владычествовали и препирались безпрестанно. Но пончайшія пружины, коими приводипся въ движеніе машина общеспвенной жизни, ускользали опть бѣднаго *Вернера*. Чуждый пришлецъ въ гостинныхъ, къ коимъ палантъ опворилъ ему доступъ и опть копорыхъ прежніе навыки должныбъ были опдалашь его, онъ почерпнулъ въ нихъ шолько спраспъ къ роскоши; и его распущная жизнь сдѣмалась безпорядочнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ выбралъ себѣ друзей между разгульными собесѣдниками, коихъ находилъ за театральными кулисами и за игорными сполами: дни его пекли въ безпрестанномъ пированъ; онъ кинулъ свою жену и очутился мужемъ прехъ вдовъ, оставленныхъ имъ поочередно. Винныя пары задушали его геній, не спасая опть угрызений. »Жена моя невинна«—говорилъ онъ Гипцигу о молодой Полькѣ, копорая была предметомъ и жертвою его скоропребодящаго энпузіазма:—»никогда бѣ не была она счасплива со мной; я одинъ виноватъ, и, оставляя ее, я дѣлаю ей услугу! Богъ, даровавшій мнѣ силу для иныхъ вещей, опказалъ мнѣ въ своей благодати для другихъ. Я чсловѣкъ нечиспый, плошкій, чувспвенный, прихот-

ливый, мечпательный, неугомонный. Ты меня знаешь! Мои спраши, мои мысли, мои прихоти, мои дурачества — влекутъ меня и уносятъ въ своемъ вихрь. Чпо за жизнь для моей жены? Чъмь она могла радоваться? Нѣтъ! я не сотворенъ для супружеской жизни! Заключение весьма основательное!.. Германія, можетъ быть, есть единственная страна въ свѣтѣ, гдѣ законы не дозволяя формально многоженства, дають попачку многоженству дѣйствительному, коего поразительный примѣръ представленъ былъ этимъ мужемъ прехъ женъ, смѣненныхъ за живо.

Воображеніе *Вернера* не зрѣло съ лѣтами; напрошивъ шуманный миспицизмъ его разраспался безпреспанно и не зналъ никакой мѣры. Французскія войска наводнили Германію, овладѣли Берлиномъ, ниспровергли всѣ гражданскія власпи и поспановленія; и *Вернеръ*, безъ мѣста и безъ жены, брошенъ былъ вновь въ океанъ свѣта, гдѣ все счастье его состояло въ томъ, чпобы блуждать безъ кормила и кормчаго. Онъ началъ опять свои спрашпвованія; и подобно Скипающемуся Жиду, извѣстному въ народныхъ Нѣмецкихъ преданіяхъ, не останавливался болѣе: всегда и вездѣ проповѣдуя и успно и письменно; часпо упоенный небесною любовію и еще чаще другимъ менѣе чистымъ упоеніемъ; обращая

однихъ, вразумляя другихъ; заслуживалъ отъ немногихъ удивленіе, отъ всѣхъ благомыслящихъ жалость и отъ большей части поруганіе.

Его видѣли въ Прагѣ, въ Вѣнѣ, въ Мюнхенѣ, въ Іенѣ. Въ Декабрѣ 1807, онъ представленъ былъ Гёте и видѣлъ торжественный въѣздъ Наполеона — «два безсмертные пипа,» какъ говорилъ онъ самъ: «пипъ завоевателя и пипъ поэта!» На вершинѣ Ригскихъ утесовъ, при восходѣ упренней зари, вспрѣшилъ онъ нынѣшняго Короля Баварскаго и былъ имъ представленъ Госпожѣ Спаль, «наумнѣйшей женщинѣ своего вѣка,» посѣтилъ Веймаръ и отправился въ Испанію.

Во время сего неутомоннаго скипанія, онъ сочинилъ *Двадцать Четвертое Февраля* (Vier- und zwanzigste Februar), *Аттилу* (Attila, König der Hunnen) а) и *Ванду* (Wanda, Königin der Sarmaten). Князь Далбергъ, Великій Герцогъ Франкфуртскій, назначилъ ему пансіонъ, который обезпечилъ его отъ нужды. Упомянутый миспическими и метафизическими розысками, сомнѣніями, умозрѣніями, еесософією, пропестанпизмомъ; разспроивъ здоровье и чрезъ то потерявъ возможность продолжать свои прежнія распутства—онъ видѣлъ

а) И это произведеніе *Вернера* переведено на нашъ языкъ *А. Шниковымъ* 2 и войдетъ въ составъ *Избраннаго Нѣмецкаго Театра*, который печатается. Опрывки изъ него будутъ помѣщены въ *Телескопъ*. Изд.

предъ собою полько одну неиспытанную еще справностъ и рѣшился на нее. Сполища Хрістіанскаго міра, Римъ, предспавился его взорамъ, какъ вождельнное прибѣжище. Онъ плакалъ на гробахъ Святыхъ Апостоловъ Пепра и Павла; молился на мраморахъ Вапиканскихъ. Величіе Каполическихъ обрядовъ поразило его воображеніе; благословеніе верховнаго Первосвященника его остигло; онъ обратился въ Каполическую вѣру, совершилъ благоговѣйное спранспованіе къ Лорешской Богомашери, принялъ священническое рукоположеніе опъ Князя Далберга и началъ свои проповѣдыванія. Любопышно было слышать этого чуднаго проповѣдника; его поэтическое краснорѣчіе, обломки прежнихъ сиспемъ смѣшанные съ новыми вѣрованіями, уродливая наружность, спранное произношеніе, все созывало къ его кафедрѣ толпы слушателей, расположенныхъ болѣе издѣваться надъ его усиліями, чѣмъ приниматъ назиданіе опъ его поученій. Вѣна, Спирія, Каринпія и Венеція оглашались его проповѣдями а). *Мать Маккавеевъ* была послѣднимъ произведеніемъ

а) Въ 1816 по 1817, *Вернеръ* жилъ въ Подоліи, въ семействѣ Графа Холоневскаго, по вліянію коего наименованъ былъ почетнымъ каноникомъ въ Каменец-Подольскъ. С. 2.

его Музы: твореніе печальное, въ коемъ оцупипельно вдохновеніе мученика, смѣшанное съ какою-то истерическою и судорожною мечпашельноспію, коея впечатлѣніе горько и бользненно.

Смерть поразила его 17 Января 1822 года, послѣ сущесгвованія, исполненнаго поликихъ превращеноспей. Онъ былъ погребенъ честно въ Ерценсдорфѣ. Простое надгробіе, начершанное надъ его могилою и сочиненное имъ самимъ, испрашиваетъ у пупника теплой молишвы *о блѣдной душѣ* того, кошорый, подобно Маріи Магдалинѣ, *любилъ много* и копорого грѣхи также прощены бытъ могутъ. Маріацельскому монастырю завѣщалъ онъ свое перо, главное орудіе своихъ заблужденій.

Къ попомоспву перейдесть имя *Вернера*, какъ писателя : но кпо не изучимъ его бѣдспвенной жизни, пошъ неспособенъ будетъ судить объ немъ и съ сей почки зрѣнія. Его сущесгвованіе не слѣдовало никакому плану : таковы почно и его птворенія ; изъ превосходныхъ свойспвъ его сердца не происпекло ни одного полезнаго дѣйсгвія ; высокія способности его ума не умѣли ни сосредопочитьсѧ на одинъ пунктъ, ни очиститься dospойно, для содѣйсгвія къ произведенію великаго птворенія. Сколько погубленныхъ матеріаловъ! Сколько раскиданныхъ элеменповъ! Я не знаю, есть ли какой - нибудь родъ dospойнспва ,

Телеск. Ч. II.

когого бы примѣровъ не представляли его трагедіи : цвѣты роскошнаго воображенія , краснорѣчіе чувства , драматическія сцены , лирическія изліянія , чудныя картины ; даже иногда — особенно въ *Аттилѣ* — глубокая живопись пороковъ и заблужденій человѣческихъ. Но сему обилію разбросанныхъ красотъ не достаесть общаго союза. Здѣсь — въ *Сынахъ Долины* — не что иное , какъ продолжительная и упоминательная аллегорія , коей не возможно разгадать смысла ; тамъ — въ *Двадцать Четвертого Февраля* — ужасное приложеніе древняго фапализма къ семейственной жизни , къ преступленіямъ и добродѣтелямъ бѣдняка и несчастливца ; *Аттила* и *Мать Макавеевъ* представляютъ неспроуное смѣшеніе существъ человѣческихъ , боримыхъ спраспями , съ существами сверхъестественными , окруженными воздушнымъ лучезарнымъ сіяніемъ , историческихъ событій съ поэтическими видѣніями. Вездѣ таже спутанность , потъ же безпорядокъ , потъ же хаосъ.

Лучшія мѣста въ твореніяхъ *Вернера* безъ сомнѣнія тѣ , изъ копорыхъ изгнанъ миспицизмъ : но онъ самъ уважалъ себя только въ семъ послѣднемъ отношеніи. Онъ считалъ себя драматическимъ Шведенборгомъ : и заносимый воображеніемъ своимъ въ міръ невещественный , не только пытался представ-

ляпъ его на сценѣ, но домогался изъяснить его. Шекспиръ заставлялъ дѣйствовать и говорить Духовъ, Ангеловъ, Сильфъ: онъ давалъ имъ вещественную жизнь, вѣроподобное существованіе. *Вернеръ*, напропивъ, сообщалъ своимъ лицамъ всю эирную невестественность сновидѣній; его живыя существа кажутся призраками; его героямъ не доспаетъ того, что составляетъ силу, могущество, истину. Идеальное и фантастическое опсвѣчиваются въ самыхъ положительныхъ его изображеніяхъ. Какъ будто безпрестанно давимый стѣною, онъ по необходимости сообщилъ поэзіи своей тонъ сомнамбулизма.

Вина лежитъ однако не на одномъ разсвоенномъ воображеніи и развращенныхъ навыкахъ *Вернера*. Справа, въ коей жилъ онъ, окружала его искусительными примѣрами и пагубными соблазнами. Онъ былъ чадо эпохи смутной — земли, гдѣ всѣ теоріи боролись между собою въ пустотѣ и неопредѣленности. Онъ не былъ слѣдствиемъ сихъ разнородныхъ враждебныхъ стихій, но былъ ихъ жертвою. Неспособный принять рѣшительное направленіе, усвоить себѣ опредѣленную систему, выбрать спеленный образъ жизни; игральщикъ своихъ идей, рабъ несобуданныхъ прихотей; развлекаемый безчисленными порывами; легкомысленный, не смотря

на всю глубину души своей — онъ имѣлъ, какъ
писатель и какъ человѣкъ, существенный не-
доспадокъ въ великомъ началѣ великихъ дѣй-
ствій — въ силѣ воли! . .

изъ FOREIGN REVIEW.

VI.

НОЧНЫЕ ДУХИ.

Три Духа ,

показываясь надъ скалою.

Время, духи! вылепайте :

Гаснешь алая заря.

Борь дремучій покидайте :

Долы, горы и моря.

Мчитесь легкою полпою

За серебряной луною ;

Прилегая на ручь и

Тихоспрунные , капитесь ;

Иль по звѣздному пущи

Дружно въпрямь принеситесь.

Тихо: волны въ берегъ не бьютъ ,

Звѣзды по небу плывутъ ;

Покидайте , покидайте ,

Духи ночи, вашъ приютъ!

отдаленный хоръ духовъ.

Тихо. . . волны въ берегъ не бьютъ. . .

Звѣзды по небу плывутъ. . .

Время, други! вылепайте ,

Бросимъ дикій нашъ приютъ !

Толпы Духовъ показываются надъ
скалою.

Рѣже сумракъ надъ землею ,
Слабо даль озарена;
Вошь урочною шпропоу
Въ небо капишся луна.
Други ! рѣзвою полною ,
Шумно, быспро, веселѣй,
Полетимъ на встрѣчу ей!

Вьются вокругъ луны ; къ нимъ
присоединяюшся еще Духи.

хоръ.

Крапокъ часъ волшебной ночи ,
Какъ златые смертныхъ сны:
Не надолго свѣтъ луны ,
Скоро гаснутъ неба очи!
Но доколь сей намешъ
Надъ безгранною вселенной,
Яркимъ златомъ испещренной,
Пышный свѣтъ на землю льешъ,
И доколь на лонѣ водѣ
Утра лучъ не опразнишся ,
Спанемъ въ воздухъ рѣзвиться !

Одинъ изъ Духовъ.

Дня спряхнувъ земную ношу ,
Черезъ міры я полечу.
Въ небѣ пламень засвѣчу
И въ пустыя бездны сброшу;
Въ видѣ бѣлой пелены ,
Обовьюсь вокругъ луны,
Блескомъ звѣздъ свой взоръ натѣшу ;
Облака огнемъ разрѣжу,
И гремя, во слѣдъ вѣспрамъ
Продачусь по облакамъ.
Улещаешь: за нимъ полна Духовъ.

Второй Духъ.

Я въ молчаньи мирной ночи
 Пронесуся надъ землею,
 Ослѣпля смертныхъ очи
 Чародѣйственной мечтой.
 Тихо крыльями повѣю—
 И видѣнія сошлю;
 Закошнѣлому злодѣю
 Гибель ада прореку.
 Спрахъ спѣснитъ ему дыханье,
 Ужасъ члены окуелъ:
 Глухи дикія спенанья,
 На челъ — печать спрдаанья—
 Выступитъ холодный потъ.

Кучей жемчуга и зласса
 Я скупago надѣлю;
 Въ золоченныя палаты
 Сибарита поселю;
 Честолюбцу надъ вселенной
 На мгновенье скипетръ дамъ;
 Въ пиканъ злѣшную облеченный,
 Онъ узритъ къ своимъ спопамъ
 Въ спрахъ падшіе народы
 Съ горькой жертвою свободы;
 Чшо желалъ—всего доспигъ:
 Моцетъ, славенъ — но на мигъ.

Кпо же тяжкіе удары
 Въ битвѣ съ рокомъ получилъ;
 Кпо любви всеильной чары
 Испышалъ и пережилъ —
 Пусть въ часъ ночи безмятежной,
 Ослѣпленъ мечпою пѣжной,

Позабудеть горе онъ!
 Ей не исцѣлить недуга!
 Но родные, но подруга —
 Несчастливцу сладкій сонъ!

Улетаетъ: за нимъ другая толпа
 Духовъ.

Третій Духъ.

Продлись, продлись, часъ ночи безмятежной!
 Рвзвись, брашья! Мнѣ идти другимъ путемъ:
 Минувшаго въ покровы облеченный,
 Я сяду на утесъ вѣковомъ —
 Счапашъ года дряхлющей вселенной,
 Зрѣшь вѣпхій міръ въ его величьи гробовомъ.
 Тамъ царства падшія, забвенные народы—
 Я маніемъ изъ праха воззову!
 Ихъ сонмы дикіе заропшутъ; будпо воды..
 Заноситъ грудь земли—и смерснаго главу
 Оледенишь непоспѣжимый трепешъ..
 А я—во мракъ временъ свой углубивши взоръ—
 Торжественно внимаю могильный стану ле-
 пешъ..
 То гласъ вѣковъ; то съ рокомъ разговоръ!
 Лечу... гроба свой алчный звѣзъ раскрыли..
 Забилась жизнь въ груди развалинъ; громъ
 Изъ пѣдръ земли рокошетъ—и кругомъ
 Вертепы дикіе завьми!..

Улетаетъ. За нимъ толпа Духовъ.
 Ночь. Небо устлано звѣздами.
 Полная луна сіяетъ надъ скалою.

Н. Станкевичъ.

III.

МЩЕНІЕ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ АВТОПИСЕЙ

СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

(окошаніе).

. Б Р А КЪ .

Джиневра, оставивъ отца своего, пошла просить Гжу Сервень принять ее подъ свое кровишельство и дать ей убъжище до истеченія срока, назначеннаго закономъ для бракосочетанія съ Луиджи Порпа; но здѣсь получила она первыя понятія о горестяхъ, коими окружены бывающъ въ свѣтѣ нѣ, кои не слѣдуютъ его обычаямъ. Гжа Сервень была очень недовольна вѣдомъ, нанесеннымъ мужу ея приключеніемъ Джиневры, и пошому приняла ее очень холодно. Она вѣжливо и оспорожно дала ей почувствовать, чѣмъ она не надѣялась на ея помощь. Будучи слишкомъ горда, чѣмъ насмѣивалась въ своей просьбѣ, Джиневра, удивленная эгоизмомъ, къ которому еще не привыкла, наняла комнату въ гостиницѣ, недалеко отъ того дома, гдѣ жилъ Луиджи, и съ нетерпѣніемъ дожидалась дня своей свадьбы.

Луиджи Порша проводилъ дни у ногъ своей невѣсты. Пламенная любовь и непорочность чувствъ его разгоняла тучи, которыя родительское проклятіе навѣвало на чело Джиневры. Онъ описывалъ ей будущность такими прелестными красками, что она наконецъ улыбалась; и почти непрерывное очарованіе заставляло ее мало по малу забывать о суровости родителей.

Однажды поутру служанка подала ей нѣсколько большихъ узловъ, принесенныхъ незнакомцемъ. Въ нихъ заключалось бѣлье, мащери и множество вещей, необходимыхъ для молодой дѣвушки, вступающей въ супружество. Она узнала въ этомъ прозорливую нѣжность мащери. Разбирая сіи подарки, нашла она кошелекъ, содержащій принадлежащую ей сумму денегъ, къ которой Баронесса прибавила еще плоды собственной своей бережливости. При деньгахъ было письмо, въ коемъ Марія Піомбо умоляла дочь оспавить, если еще не поздно, пагубное свое намѣреніе. Она писала, что только при величайшихъ предосторожностяхъ могла доставить ей сіи слабыя пособія. Письмо заключалось просьбою не укорять ее въ жеспокости, если она въ послѣдствіи оспавитъ ее безъ помощи; она боялась, что не будетъ болѣе имѣть средствъ оказывать ей вспоможеніе; ибо Бартоломео принялъ пропить

шого самый спрогя мѣры. Наконецъ она благословляла ее, желала ей счастья въ супружествѣ и увѣряла, что только и думаетъ о милой дочери.

Въ этомъ мѣстѣ слезы изгладили нѣскольکو словъ...

—»О, мапушка, мапушка!«. . вскричала въ умиленіи Джиневра.

Она чувствовала непреодолимое влеченіе броситься къ ногамъ мапери, подышать еще благодатнымъ воздухомъ подъ кровомъ родительскимъ. Сердце ея уже совсѣмъ рѣшилось, какъ вдругъ вошелъ Луиджи. Она посмогрѣла на него: вся нѣжность ея исчезла, слезы обсохли на глазахъ ея. Она не имѣла силъ оставить своего Луиджи. Онъ былъ такъ несчастливъ, онъ такъ любилъ ее! Она знала, что въ ней одной заключается вся надежда благороднѣйшаго созданія; любилъ его и покинулъ—шакая жертва была бы измѣной. Джиневра великодушно скрыла горестъ свою во глубинѣ души. Припомъ же любовь дѣлаетъ оба сердца, въ коихъ господствуетъ, равнодушными ко всему, что выходитъ изъ ея сферы, и даже доводитъ ихъ до ожесточенія.

Наконецъ наступилъ день, назначенный для вѣчнаго ихъ соединенія.

Джиневра была одна; ибо Луиджи воспользовался временемъ, когда она начала одѣваться.

ся, чпобы сходишь за свидѣтелями, нужными для подписанія свадебнаго ихъ акша.

Свидѣтели сіи были честные люди. Одинъ былъ сипарый Гусарскій Квартермиспръ, коему Луиджи въ походахъ не разъ оказывалъ услуги, кои никогда не изглаживаются въ сердцѣ честнаго чловѣка. Онъ завелъ наемныя карешы и имѣлъ у себя нѣсколько фіакровъ. Другой былъ подрядчикъ каменныхъ работъ и хозяинъ шого дома, гдѣ должны были жить новобрачные. Они вмѣстѣ съ Луиджи пришли за невѣстой. Люди сіи, мало привыкшіе къ свѣпскимъ приличіямъ, и не видя ничего необыкновеннаго въ услугѣ, оказываемой ими Людовику, одѣлись чистпо, но безъ всякой пышности, такъ чпо ничпо не показывало, чпобъ они принадлежали къ веселому обществу брачнаго шоржеспва. Сама Джиневра одѣша была просто, какъ прилично было ея соспояннію; но въ красопѣ ея было шакое благородспво, шакое величіе, чпо при видѣ ея слова замерли на устахъ обоихъ свидѣтелей, кои почли обязанностью еказашъ ей какое-нибудь привѣпшвіе: они съ почпеніемъ поклонились ей; она опвѣчала однимъ наклоненіемъ головы. Они въ безмолвіи смопрѣли на нее и могли шолько ей удивляшьсѣ; но эша принужденность поселила между ними какую-шо холод-

ность ; ибо веселіе можетъ существовать только между людьми , которые считаютъ себя равными. Судьба хотѣла , чтобы все , окружающее новобрачныхъ , было мрачно и сурово , и чтобы ничто не отражало ихъ благополучія.

Такъ какъ церковь и домъ Мера были не въ дальнемъ разстояніи отъ гостинницы, то Луиджи взялъ подъ руку свою невесту ; и они , въ сопровожденіи обоихъ свидѣтелей , отправились шута пѣшкомъ , безъ всякой пышности , съ такою простотою , которая лишала сіе важное дѣйствіе семейственной жизни всей его торжественности. Они нашли на дворѣ Мера множество экипажей ; видно было , что шута собралось многочисленное общество. По лѣстницѣ вошли они въ большую залу , гдѣ новобрачные , коихъ счастье было оплощено до этого дня , нетерпѣливо , ждали Мера.

Джиневра сѣла съ Луиджи на концѣ длинной скамьи. Свидѣтели стояли за недоспашкомъ спулъевъ.

Тутъ были двѣ невесты , одѣтыя въ великолѣпныя бѣлыя платья , украшенныя лентами , увѣнчанныя свѣжими померанцовыми букетами , коихъ распускающіяся вѣтки дрожали подъ прозрачными покрывалами. Матери сопровождали ихъ и смотрѣли на нихъ съ ви-

домъ удовольствія и нѣжной робости. Онѣ окружены были радостными своими семействами. Всѣ молодыя дѣвушки словами, движеніями или взглядами, наперерывъ поздравляли невѣстъ, копорыя вокругъ себя не видали ничего, чпобъ не было украшено ими: ибо во всѣхъ глазахъ отражалось ихъ счастье. Казалось, чшо каждый посылаетъ имъ свои благословенія. Онѣ были радостью, утѣшеніемъ своихъ родителей. Опцы, свидѣтели, братья, сеспры ходили взадъ и впередъ. Они походили на рой мопыльковъ, играющихъ въ лучахъ заходящаго солнца. Зрѣлище восхищительное! Всякой чувствовалъ цѣну эпои быспрошечной минувши въ человѣческой жизни, когда сердце находится между двумя надеждами: желаніями прошедшаго и обѣщаніями будущаго.

При видѣ всеобщей радости, сердце Джиневры облилось кровію; но она пожала руку Луиджи — и Луиджи бросилъ на нее взглядъ, копорый споллъ всѣхъ сокровищъ свѣта. Слеза блеснула въ глазахъ молодаго Корсиканца: ибо онѣ тогда, болѣе нежели когда нибудь, почувствовалъ все, чѣмъ для него жертвуешь Джиневра. Сія драгоценная слеза заставила ее забыть одиночество, въ копоромъ она находилась. Любовь изливала на сію чешу драгоценный свѣтъ свой; и любовники, коихъ сердца, въ сладкомъ согласіи, бились силь

но, видѣли только себя въ этомъ шумномъ обществѣ. Они были одни, среди шумной толпы, такъ какъ надлежало имъ быть въ печеніе всей ихъ жизни. Свидѣтели ихъ, равнодушнѣе къ обряду, коего важности они не понимали, спокойно говорили о своихъ дѣлахъ.

»Овесь что-то очень вздорюжалъ!» сказалъ квартермиспиръ подрядчику.

—»Но все еще не такъ какъ гипсъ«—опивчалъ сей послѣдній.

Послѣ того они прошлись оба по залѣ.

—»Сколько здѣсь перлется времени!..« вскричалъ подрядчикъ, положивъ опять въ карманъ полстпыя серебряныя часы.

Луиджи и Джиневра, прижавшись другъ къ другу, казалось, соспавляли одно существо. Сіи два очаровательныя лица, соединенныя однимъ и тѣмъ же чувствомъ, равно задумчивыя и молчаливыя, выражающія въ одно время однѣ и тѣже мысли, соспавляли странную противуположность съ веселостью чептырехъ шумныхъ семействъ, кои блиспали нарядами, алмазами, цвѣтами, и въ радости коихъ было нѣчто для нихъ оскорбительное. Джиневра и Луиджи хранили во глубинѣ своихъ сердець всю радость, которую сіи веселыя и блиспанельныя группы изъявляли наружными знаками. Съ одной стороны видна была шумная земная сущность, съ другой—без-

молвіе спокойныхъ наслажденій души... земля и небо! Но пренеющая Джиневра не могла совершенно преодолѣть женской слабости; и будучи суетѣрна, какъ Ипаліанка, она взира-ла на эту прошивуположность, какъ на зло-вѣщее предзнаменованіе. Но она скрыла во глу-бинѣ сердца сіе чувство ужаса, споль же непреодолимое, какъ любовь ея. Да и дѣйст-вительно—не было ли это слѣдствіемъ непре-ложнаго закона человѣческой природы, по ко-торому всѣ наши наслажденія опшуманиваются мрачными тѣнями? . . .

Вдругъ чиновникъ опворилъ обѣ половинки двери; настало молчаніе.

Онѣ звалъ господина Луиджи Порша и дѣвицу Джиневру ди Піомбо.

Эта минуца была рѣшипельная для обоихъ супруговъ. Извѣстность имени Піомбо привлек-ла всеобщее вниманіе; изрители искали глазами свадьбы, копорая, по видимому должна была бытъ очень великолѣпна. Джиневра вспала и кинула на всѣхъ гордый и презрипельный взглядъ. Держа за руку Луиджи, она пошла птвердымъ шагомъ. За ней слѣдовали свидѣтели.

Шопотъ возраспающаго удивленія и всеоб-щій говоръ напомнили Джиневрѣ, что свѣтъ пребуешь опъ ней опчета въ опсущствіи ея родителей. Проклятіе опца всюду за ней слѣдовало.

—»Дождишесь обоихъ семействъ« — сказалъ Меръ чиновнику, который съ скоростью читалъ свадебный актъ.

»Опець и маць пропестуюць, « отвѣчалъ холодно секретарь.

—»Съ обѣихъ сторонъ«—возразилъ Меръ.

»Женихъ сиропа.«

—»Гдѣ жь свидѣтели... друзья?...«

»Здѣсь!« отвѣчалъ секретарь, показывая на двухъ свидѣтелей, которые спояли безмолвно и неподвижно съ сложенными на крѣспъ руками и походили болѣе на двѣ шапуги.

—»Но если родители пропестуюць, « сказалъ Меръ.

»Належащія прѣбыванія были сдѣланы по закону«—возразилъ секретарь и, вспавъ съ своего мѣста, подалъ Меру бумаги, приложенныя при свадебномъ актѣ.

Въ этомъ судебномъ разговорѣ было что-то горько унизительное. Въ немъ содержалась въ немногихъ словахъ исторія цѣлой эпохи.

Ненависть фамилій Порпа и Піомбо, пагубныя спраски ихъ—были разсмаприваемы и вписаны въ книгу гражданскихъ дѣлъ, подобно какъ на гробовомъ камнѣ въ нѣсколькихъ словахъ заключающіяся лѣпописи цѣлаго народа, иногда въ одномъ только словѣ: »Робеспьеръ... Наполеонъ!«

Джиневра дрожала, подобно голубкѣ, копорая, перелетая моря, кромѣ ковчега, нигдѣ не находила себѣ убожища; она могла укрывать взоръ свой только въ глазахъ Луиджи. Все вокругъ ея было холодно и мрачно. Меръ имѣлъ видъ спрогій и недовольный, секретарь сморщилъ на супруговъ съ недоброжелательнымъ любопытствомъ.

Ничто не походило такъ мало на брачное торжество. Эта сцена была по же, что въ предметъ въ жизни человеческой, когда они лишены своихъ принадлежностей—ничто... истина простирая сама по себѣ, но неизмѣримая для мысли.

Наконецъ послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, на которые супруги отвѣчали, послѣ нѣкоторыхъ словъ, которыми проворчалъ про себя Меръ, Луиджи и Джиневра подписали свои имена, и были соединены. Они со стыдомъ, подобно преслушникамъ, прошли, попутивъ головы, между двухъ рядовъ веселыхъ родственниковъ, къ которымъ они не принадлежали и которые уже негодовали на замедленіе, причиняемое имъ сей свадьбой, по наружности столь печальной.

Когда Джиневра увидѣла себя на дворѣ и подъ открытымъ небомъ, то вздохъ вырвался изъ груди ея. Она походила на освобожденную затворницу.

— «О! вся жизнь моя, жизнь, исполненная любви и попеченій, достапочно ли будетъ, чпобъ вознаградишь мою Джиневру за швердоспъ и нѣжность ея!» —

Сии слова, сопровождаемыя слезами, и учаспіе заспавили Джиневру позабышь всѣ свои мученія; ибо она жестоко мучилась бракосочетаніемъ, которое ея родители не соглашались утвердишь.

• »Для чего люди безпреспанно полагають между нами преграды?» . . сказала она съ проспопкою чувства, которая очаровала бѣднаго Луиджи.

Счаспіе облегчило супруговъ; они не видали ни неба, ни земли, ни домовъ и, казалось, на крыльяхъ лепѣли въ церковь.

Наконецъ они пришли въ небольшую шемную часовню и спарый, угрюмый священникъ предъ скуднымъ алпаремъ благословилъ бракъ ихъ.

Здѣсь, такъ же какъ у Мера, были они окружены двумя свадьбами, которыя преслѣдовали ихъ своимъ блескомъ. Въ церкви, наполненной друзьями и родственниками, раздавался шумъ экипажей, говоръ церковнослужителей, швейцаровъ, священниковъ. Алпаръ блиспалъ всей церковной роскошью. Повсюду видны были цвѣтш, куренія, горящія свѣчи, бархашныя шипшыя золопомъ подушки; даже вѣнки изъ

померанцовыхъ цвѣтовъ, украшавшіе изваяніе Богоматери, были возобновлены. Казалось, что самъ Всевышній участвуетъ въ радости этого дня.

Когда надобно было держась надъ головами Луиджи и Джиневры символъ вѣчнаго ихъ соединенія, покровъ изъ бѣлаго апласа, мягкій, блестящій, легкій для однихъ, свинцовый по большей части для другихъ; но священникъ искалъ глазами молодыхъ людей, которые всегда съ радостью исполняютъ этотъ долгъ, но щедры; ихъ надобно было замѣнить квартермиспромъ и однимъ изъ пѣвчихъ.

Священникъ наскоро прочелъ супругамъ наставленіе объ опасностяхъ жизни, объ обязанностяхъ ихъ въ разсужденіи дѣшей, при чемъ съ укоризной намекнулъ спороною объ опускшеніи родителей Джиневры, потомъ соединивъ ихъ предъ Богомъ, такъ какъ Меръ соединилъ ихъ предъ закономъ, поспѣшилъ окончить службу и удалился.

—»Богъ да благословитъ ихъ!«—сказалъ гусаръ своему поварищу, выходя изъ церкви. Никогда два пворенія не были такъ созданы другъ для друга. Родители этой дѣвцы сумазброды. Я не знаю человѣка, который бы храбросью превосходилъ Маіора. Еслибъ всѣ поступали подобно ему, то кто знаетъ, чтобы могло случиться...»

Благословеніе спараго солдапа, одно шолько, которое получили они въ эпопѣ день, влило утѣшеніе въ сердце Джиневры.

»Прощай, поварищъ!« сказалъ Луиджи кваршпермиспру: »благодарю тебя.«

—»Все къ вашимъ услугамъ, господинъ Маіоръ, располагайте моею душой, мною самимъ, лошадьми и экипажами, все ваше«. . .

Они разстались, пожавъ другъ другу руку; Луиджи дружественно поблагодарилъ своего хозяина.

»Какъ онъ любилъ меня!..« сказала Джиневра.

Но Луиджи спѣшилъ уже въ домъ, гдѣ имъ надлежало жить, и они скоро достигли скромнаго своего жилища. Здѣсь лишь, когда дверь была снова заперта, Луиджи, взявъ жену свою въ объятія и крѣпко прижавъ къ сердцу, вскричалъ:

—»О! моя Джиневра—ибо нынѣшній день мой—здѣсь нынѣшній праздникъ!.. «Здѣсь»—повѣришь онъ—»все будетъ намъ улыбаться. . . «

Они вмѣстѣ обошли три комнаты, составлявшія все ихъ жилище. Первая комната служила въ одно время гостиной и спальней. На право была спальня; на лѣво большой кабинетъ, который Луиджи отдѣлалъ для жены. Тутъ были спанки, ящики съ красками, бюсты, модели, чучелы, картины, рамы, порці-

«ели — все скроное доспоянне арписша.

—»Здѣсь буду я занимаюсь!.. « сказала она съ дѣтскою радостью.

Она долго разсматривала обои, мебель и всякой разѣ обращалась къ Луиджи и благодарила его веселой улыбкой. Въ эпомъ шѣсномъ уединеніи была видна какая-то роскошь. Библіотека содержала любимыя книги Джиневры; во глубинѣ комнапы спояли форше-піано.

—»Такъ, мы здѣсь будемъ жить!.. « сказала она наконецъ.

Она съла на софу, подозвала Луиджи и, пожавъ ему руку, сказала ласковымъ голосомъ:

»У шебя хорошій вкусъ!.. «

—»О! какъ я счастливъ!.. «

»Но посмотри же все, « сказала Джиневра, опъ копорой Луиджи до сихъ поръ скрывалъ украшенія, сдѣланныя имъ въ семъ уединеніи.

Они вошли въ брачную комнапу, свѣжую, блистательную, бѣлую; подобно дѣвѣ: прекрасный образъ собспвеннаго ихъ союза.

—»О! выйдемъ отсюда, выйдемъ!.. « сказала, смѣясь, Луиджи.

»Но я все хочу видѣть!.. «

И своенравная Джиневра разсматривала убранство комнапы съ любопытствомъ анпикварія, разбирающаго надпись изпершой опъ времени медали. Она прогала шелковыя занавѣсы.

вѣсы, смотрѣла на все съ просподушнымъ удовольствіемъ новобрачной, которая пересматриваетъ всѣ богатства свадебнаго подарка. — »Мы начали пѣть, что разоряемся. . . « сказала она попомъ съ видомъ, часпю веселымъ, часпю печальнымъ.

— »Правда! здѣсь вся недоимка моего жалованья! « отвѣчалъ Луиджи. »Я продалъ ее Жиду.«

»Для чего? . . « возразила она съ укоризною, въ которой замѣтно было пайное удовольствіе. »Думаешь ли ты, что я была бы менѣе счастлива подъ самою кровлею? . . « Но—прибавила она — »это все такъ мило. . . и все наше! . . «

Луиджи смотрѣлъ на нее съ такимъ восхищеніемъ, что она опустила глаза и сказала ему: »пойдемъ, поспимъ оспальное!«

Надъ сими комнатами, подъ самою кровлею, былъ кабинетъ для Луиджи, кухня и людская. Джиневра была очень довольна небольшимъ своимъ владѣніемъ. Хотя видъ изъ комнаты былъ на широкую стѣну сосѣдственнаго дома и на темный, узкій дворъ; но сердца любовниковъ были исполнены такой радости, надежда такъ украшала для нихъ будущность, что они видѣли однѣ очаровательныя картины въ сокровенномъ своемъ убѣжищѣ.

Скрытые во внутренности огромнаго дома, пошерянные въ неизмѣримомъ Парижѣ, они

были подобны двумъ жемчужинамъ, копорыи въ раковинахъ своихъ покояшся въ нѣдрахъ глубокихъ морей. Для другихъ жилище сіе было бы шорьмою, для нихъ сдѣлалось оно раемъ.

Первые дни ихъ союза были посвящены любви. Для нихъ казалось слишкомъ прудно вдругъ приняшся за поспоянную работу и они не умѣли прошивишся очарованію собспвенной своей спраспи. Луиджи проводилъ цѣлые часы у ногъ своей Джиневры, любуясь цвѣсомъ волосъ ея, формою лба, плѣвипельнымъ выраженіемъ глазъ, чиспопою, бѣлизною двухъ дугъ, подѣ копорыми они медленно двигались, выражая счаспіе удовлѣтворенной любви; между шѣмъ Джиневра играла волосами своего Луиджи, не могла наглядѣшся на шо, что называла *beltà folgorante* своего мужа, ни на прекрасныя черпы лица его, и шѣмъ болѣе плѣнялась благородспвомъ его обращенія, что всегда привлекала его очаровашельной своей ловкоспыю. Они подобно дѣшамъ играли бездѣлками и эпи бездѣлки всегда возвращали ихъ къ ѣхъ спраспи; иногда прерывали они свои игры, впадаѣ въ мечпашельность сладоспнаго *far niente*. Тогда, арія, спѣшая Джиневрою, пробуждала вновь все упоеніе, всѣ очаровашельныя оппѣнки ихъ любви.

Часпо опсправлялись они за городъ, соеди-

ная шаги свои, какъ уже соединили души, и повсюду находили любовь свою: въ цвѣпахъ, на небѣ, въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца; они чипали ее даже въ своенравныхъ облакахъ, сражавшихся въ воздухъ. Наспояцій день никогда не походилъ на предыдущій; ибо любовь ихъ, будучи истинна, безпреспанно возраспала. Они испыпали другъ друга въ нѣсколько дней и узнали, что души ихъ заключающъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства, копорыя общающъ имъ въ будущемъ всегда новыя наслажденія. Спраспъ ихъ была любовь во всей проспощъ своей, съ безконечными своими разговорами, недокончанными выраженіями, продолжисельнымъ молчаніемъ, воспочной нѣгой и упоеніемъ.

Луиджи и Джиневра поспигли любовь въ совершенствѣ. Не подобна ли она морю, копорое взоръ объемлепъ въ одно мгновение, копорое души обыкновенныя укоряющъ въ однообразіи, но копорому сущесства избранныя могупъ въ печеніе всей своей жизни удивляпсь, находя въ немъ безпреспанно новыя очаровашельныя явленія.

Не смопря на шо, благоразуміе вывело наконецъ молодыхъ супруговъ изъ сего упоенія. Они увидѣли, что имъ необходимо нужно рабопать, чтобы продлипъ свое сущеспвованіе. Джиневра, копорая съ особеннымъ искусспвомъ

подражала старымъ карпинамъ, начала дѣлать съ нихъ копїи—и скоро приобрѣла довѣренность барышниковъ, торгующихъ карпинами (*brocanteurs*). Луиджи, съ своей стороны, съ дѣятельностью искалъ работы; но молодому Офицеру, коего всѣ познанія ограничивались основательными свѣденіями въ спрагегіи, весьма трудно было найти занятія въ Парижѣ. Наконецъ, однажды, упомянутый тщетными усиліями, онъ уже предавался опчаянію при мысли, что одна Джиневра несетъ всю тяжесть ихъ существованія, какъ вдругъ вздумалъ воспользоваться однимъ слабымъ дарованіемъ. У него былъ прекрасный почеркъ, и онъ писалъ также скоро, какъ и хорошо. Съ неупоминимостью, въ коей Джиневра подавала ему примѣръ, онъ началъ просить себя работы у Парижскихъ стряпчихъ, нотариусовъ и адвокатовъ. Опкровенность его, обращеніе, его положеніе возбудили къ нему всеобщее участіе. Ему сполько давали переписывать, что онъ скоро принужденъ былъ взять себя въ помощники нѣсколько молодыхъ людей. Мало по малу онъ завелъ родъ конторы для переписки, (*bureau d'écritures*), которая приобрѣла нѣконторую извѣстность и опъ которой доходъ и деньги, выручаемыя за продажу карпинъ Джиневры, наконецъ привели молодую чепу въ довольство, коимъ супруги горди-

лись: ибо сіе благосостояніе было плодомъ ихъ собственныхъ трудовъ.

Это время было прекраснѣйшимъ мгновеніемъ въ ихъ жизни. Дни текли быстро между занятіями и любовью. Вечеромъ, послѣ продолжительной работы, они сходились вмѣстѣ въ небольшой кельѣ Джиневры. Музыка улаждала ихъ досуги. Тогда никакое выраженіе задумчивости не омрачало черты молодой супруги, и никогда не позволяла она себѣ ни одной жалобы. Она всегда умѣла являясь своему Луиджи съ улыбкой на устахъ, съ глазами, блистающими радостью. Оба лѣляли одну господствующую мысль, которая и самыя пѣгосныя пруды превратила бы для нихъ въ наслажденіе. Джиневра говорила самой себѣ, что она работаетъ для Луиджи, Луиджи думалъ, что онъ спрудится для Джиневры. Иногда Джиневра, въ опсущствіе своего мужа, мечтала о совершенномъ счастьи, которыми бы она могла наслаждаться, еслибъ эта жизнь, исполненная любви, текла въ присутствіи отца и матери; и тогда она впадала въ глубокую задумчивость. Она чувствовала всю силу угрызений совѣсти.¹ Мрачныя карпины, подобно пѣнямъ, мелькали въ ея воображеніи: то образъ опавшаго ея преснарѣлаго отца, то видъ плачущей матери, скрывающей слезы свои опъ неумодима-

го Піомбо; ихъ важныя , сѣдовласыя головы , иногда внезапно представлялись взору ея : ей казалось, что ей опредѣлено взирашь на нихъ только при мечпашельномъ свѣтѣ воспоминанія. Эта мысль преслѣдовала ее , подобно предчувствію. Въ тотъ день , когда минулъ годъ ея замужеству, она подарила Луиджи портретъ, копорый онъ давно желалъ имѣть — портретъ Джиневры. Никогда изъ рукъ молодой художницы не выходило произведенія столь прекраснаго. Не говоря уже о разительномъ сходствѣ, блескъ красокъ, чистота ея чувствованій, счастіе любви были выражены съ какимъ-то волшебствомъ.

Они провели еще другой годъ среди довольства. Исторія погдашней жизни ихъ можетъ быть выражена тремя словами: *они были счастливы!* Въ теченіе сего времени не случилось съ ними ничего замѣчательнаго.

Въ началѣ зимы 1847 года покупщики картинъ совѣщовали Джиневру оставивъ избранный ею родъ живописи ; ибо они болѣе не могли сбывать ея работы. Тогда только увидѣла она свою ошибку: еслибъ она упражнялась не въ копіяхъ , а въ составленіи оригинальныхъ картинъ, то могла бы приобрести извѣстность. Первые опыты ея были не весьма удачны, ибо ей нужны были образцы. Она также хотѣла снимать портреты,

но ей должно было состязаться съ толпою художниковъ, копорые были еще бѣднѣе ея. Однакожь, такъ какъ Луиджи и Джиневра накопили нѣсколько денегъ, то они не опчаявались еще въ будущности.

При наспувленіи весны, въ Апрѣль 1848 года, Луиджи работалъ почти безъ отдыха; но у него было столько совмѣстниковъ и цѣны на письмо такъ упали, что онъ уже не могъ раздѣлять своей работы и долженъ былъ посвящать своимъ занятіямъ несравненно болѣе времени, нежели прежде, чѣмъ бы выручить такую же сумму.

Жена его окончила нѣсколько картинъ, копорыя были не безъ достоинства; но торговцы не покупали даже произведеній извѣстныхъ художниковъ. Джиневра уступала ихъ за самую низкую цѣну, но не могла продать ихъ.

Состояніе ихъ было ужасно. Души ихъ упали въ благополучіи, любовь надѣяла ихъ всѣми своими сокровищами, а бѣдность подобно оспову воздымалась среди сей жажды наслажденій. Они другъ о друга скрывали свое безпокойство. Никогда Джиневра сколько не ласкала Луиджи, какъ когда слезы наворачивались на ея глазахъ при видѣ его спираданій; равнымъ образомъ и Луиджи во глубинѣ сердца шаялъ ужасную печаль, между тѣмъ,

какъ слова его выражали нѣжнѣйшую любовь. Казалось, что они находили удовольствіе за всѣ свои бѣдствія въ возвышенности своихъ чувствованій; и тогда ихъ слова, ихъ веселіе, ихъ игры носили на себѣ печать какого-то безумія. Они спрашивались будущности. Какое чувство можетъ сравниться съ силою спра-
снн, копорая на другой же день можетъ угаснуть, убивая смертію или нищетою! Они всегда смѣючись говорили о своей бѣдно-
спн. Оба чувствовали необходимость обма-
нывать другъ друга и съ равной жадностью ловили малѣйшій лучъ надежды.

Однажды ночью Джиневра пшечно искала подлѣ себя Луиджи. Она испугавшись вспала съ постели. По слабому свѣту, копорый отражался на мрачной стѣнѣ пѣснаго двора, она догадалась, что Луиджи работаетъ ночью. Онъ дождался, чтобы жена его заснула; и тогда уходилъ въ свой кабинетъ. Пробило че-
тыре часа. Начинало свѣтать. Джиневра сно-
ва легла и притворилась спящею. Луиджи воз-
вратился. Сонъ и усталость ошягощали гла-
за его. Она взглянула на это прекрасное лицо, на копоромъ труды и заботы провели уже нѣсколько морщинъ. Слезы навернулись на глазахъ ея. — «Для меня,» сказала она, «прово-
дитъ онъ цѣлую ночь за работою. . .»

Осрадная мысль осушила слезы ея. Она

рѣшилась послѣдовать примѣру Луиджи.

Въ тотъ же день пошла она къ одному богатому купцу, который торговалъ эстампами; и посредствомъ рекомендабельнаго къ нему письма, отъ одного барышника (brocanteur), ей удалось склонить его препоручить ей раскрашиваніе картинокъ. Днемъ она занималась живописью и хозяйствомъ, ночью раскрашивала эстампы. Такимъ образомъ сіи молодые супруги, пылавшіе взаимною страстью, для того только вступали на брачное ложе, чтобы тотчасъ же оставить его. Они оба припвоялись спящими и изъ любви другъ къ другу расходились, какъ скоро одному удавалось обмануть другаго.

Въ одну ночь, Луиджи, упомянутый работою, подъ тяжестью которой начиналъ изнемогать, вспалъ и отворилъ слуховое окно своего кабинета. Онъ дышалъ свѣжимъ упрямимъ воздухомъ и, казалось, при видѣ свода небеснаго, забывалъ о своихъ спраданіяхъ, какъ вдругъ, опустивъ глаза внизъ, увидѣлъ довольно яркій свѣтъ на спѣнѣ, которая была пропивъ оконъ комнаты Джиневры. Онъ все угадалъ: сошелъ внизъ тихими шагами и заспалъ жену свою въ ея масперской: она раскрашивала картинки.

—О! Джиневра! Джиневра!...« вскричалъ онъ.

Она съ судорожнымъ движеніемъ прыгнула со спуга и покраснѣла.

»Могла ли я спать?—сказала она—видя, какъ ты изнуряешь себя работою?« ..

—»Но мнѣ одному принадлежишь это право.«

»Могу ли я оспаривать въ бездѣйствіи?—опычала Джиневра и слезы навернулись на глазахъ ея—когда я знаю, что всякой кусокъ хлѣба стоитъ намъ капли пвоей крови. Я бы умерла, еслибъ не присоединила моихъ усилій къ пвоимъ. . . Не должно ли все быть общимъ между нами, радости и горе. . .«

—»Какъ она озлабла! вскричалъ въ отчаяніи Луиджи. »Накинъ шаль на грудь, моя Джиневра—ночь холодная, сырая. . .«

Они подошли къ окну. Джиневра была въ объятіяхъ Луиджи. Она опустила голову на грудь своего возлюбленнаго и оба, погруженные въ глубокое молчаніе, смотрѣли на небо, которое медленно освѣщалось. Быстро неслись сѣрыя облака и заря, занимавшаяся на востокъ, съ каждымъ мгновеніемъ становилась ярче.

»Видишь ли,«—сказала Джиневра—»это предзнаменованіе! Мы будемъ счастливы.«

—»Да, на небесахъ! . . .« опычалъ Луиджи, съ горькою улыбкой.—»О! Джиневра! ты, которая достойна была всѣхъ соковокъ земли! . . .«

»Твое сердце принадлежитъ мнѣ! . . .« сказала она съ выраженіемъ радости.

—»О! я не жалуясь,« возразилъ онъ, крѣпко прижавъ ее къ сердцу. Онъ покрывалъ поцѣлуями прекрасное лице ея, которое уже начинало терять блескъ молодости, но коего выраженіе было шакъ нѣжно, шакъ плѣнительно, что онъ не могъ взглянуть на него, не ощутивъ въ сердцѣ своемъ утѣшенія.

»Какое безмолвіе!« вскричала Джиневра. »Другъ мой, я чувствую какое-то удовольствіе, при мысли, что я не сплю: во мракъ ночи есть нѣчто величественное! какъ утѣшитель-но думаешь: все спитъ, а я бодрствую!.. «

—»О! моя Джиневра! не въ первый разъ чувствую я всю нѣжность, всю красоту души твоей! но вошь уже занялась заря, поди, успокойся. «

»Хорошо«—отвѣчала она — »если я буду не одна... О! какъ я спала въ эту ночь, когда замѣтила, что мой Луиджи, не вмѣстѣ со мною, проводитъ ночи безъ сна.«

Твердость, съ которой Джиневра и Луиджи боролись съ несчастіемъ, была на нѣкоторое время вознаграждена; но обстоятельство, которое обыкновенно довершаетъ супружеское счастье, сдѣлалось для нихъ пагубнымъ.

Джиневра родила сына. Онъ былъ прекрасенъ, какъ Ангелъ, говоря общепринятымъ выраженіемъ.

Чувство материнской любви удвоило силы

Джиневры. Луиджи занялъ нѣсколько денегъ на издержки, причиненныя ея родами, такъ что въ первыя минушы она не чувствовала бѣдственнаго своего положенія.

Они оба мечтали о счастіи воспитывать сына; но это было уже послѣднее ихъ наслажденіе.

Сначала они мужественно сопротивлялись, подобно двумъ пловцамъ, которые соединяютъ свои усилія, чтобы плыть противъ теченія рѣки; но иногда предавались они какой-то безчувственности, которая походила на сонъ, предшесвующій смерти. Скоро они должны были продать всѣ свои дорогія вещи.

Вдругъ показалась бѣдность, еще не отвратительною, но одѣною проспо; голосъ ея не наводилъ еще никакого страха. Она не влекла за собою ни опчаянія, ни лохмотьевъ, ни привидѣній; но испребляла воспоминанія и привычки довольства. Она подмывала пружины гордости. Потомъ явилась со всеми своими ужасами нищета, не стыдящаяся своего изорваннаго рубища и попирающая всѣ чувства человечества. Но есть души благородныя, которыя никогда не колеблются при видѣ представляемыхъ ею картинъ.

Семь или восемь мѣсяцевъ послѣ рожденія маленькаго Паоло, съ трудомъ можно было

Телес. Ч. II.

34

узнать въ мащери , кормящей грудью хилаго ребенка, подлинникъ прекраснаго порптреша , кошорый оспался единспвеннымъ украшеніемъ пуспой, обнаженной комнапы. Джиневръ въ самой серединѣ зимы не на что было купипь дровъ. Нѣжныя округлоспи лица ея совершенно опали , щеки сдѣлались бѣлы, какъ фарфоръ, и глаза , казалось, поблѣднѣли. Она со слезами смодпрѣла на похудѣвшаго , почпи безжизненнаго своего ребенка и спрадала толькo за него,

Луиджи споялъ въ безмолвіи и не имѣлъ духа улыбнупься своему сыну.

—»Я обѣгалъ весь Парижъ! . . « сказалъ онъ глухимъ голосемъ : »но я въ немъ никого не знаю , а какъ осмѣлился просипь у поспнороннихъ . . . Гарди, мой добрый Гарди, мой храбрый Кварипермиспръ замѣшанъ въ какой-то заговоръ и теперъ сидипь въ шюръмѣ. Припомъ же онъ опдалъ мнѣ все , чѣмъ могъ располагать! Чпо же касаспся до нашего хозяйства . . . вопъ ужѣ годъ , какъ онъ не пребуепъ съ насъ денегъ. . . .«

»Но намъ ничего не нужно . . .« ошвѣчала съ кропоспью Джиневра , принявъ спокойный видъ.

—»Съ каждымъ днемъ,« сказалъ въ опчаяніи Луиджи, »увеличивается ужасъ нашего положенія«

Голодь былъ у ихъ порога.

Луиджи взялъ всѣ каршины Джиневры, ел норшрепъ, мебель, безъ копорой имъ можно было обойтись, и продалъ все за самую низкую цѣну. Деньги, вырученныя за сіи вещи, продлили на нѣкоторое время существованіе издыхающаго семейства.

Въ сіи дни злполучія Джиневра показала все величіе своего характера и безусловную покорность волѣ Провидѣнія. Она мужественно переносила свои сшраданія.

Твердая душа ея боролась со всѣми бѣдствіями. Она работала ослабѣвшими руками возлѣ умирающаго своего сына, а занималась хозяйствомъ съ удивительною дѣятельностью и успѣвала вездѣ.

Она даже была счастлива, когда замѣчала на устахъ Луиджи улыбку удивленія при видѣ чистоты, копорая господствовала въ шѣсной комнашѣ, сославлявшей шеперь все ихъ жилище.

—»Другъ мой—« сказала она ему однажды вечеромъ, когда онъ возвращался домой, изнемогая опть усталости—»я тебѣ оставила опянь кусокъ хлѣба.«

»А сама ты?«

— »Я обѣдала! Милый Луиджи, мнѣ ничего не нужно. Возьми! . .«

И крошкимъ выраженіемъ лица болѣе чѣмъ словами , убѣждала она его принять пищу , въ копорой себѣ отказала.

Луиджи поцѣловалъ ее , но то былъ поцѣлуй опчаянія , подобный поцѣлуямъ любовниковъ , въ 1793 году , въ ту мину , когда ихъ вели на эшафотъ.

Въ сіи рѣшительныя мгновенія , два существа взаимно чипають въ сердцахъ своихъ . Такимъ образомъ несчастный Луиджи понималъ , что жена его ничего еще не ѣла и внезапно почувствовалъ въ жилахъ своихъ лихорадку , се пожиравшую.

Холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ его : онъ вышелъ , говоря , что имѣетъ дѣло , не перпящее оплагательства.

Онъ бы лучше согласился принять самый сильный ядъ , чѣмъ избѣгнуть смерти , уположивъ голодъ свой послѣднимъ кускомъ хлѣба , копорый у него оставался.

Онъ блуждалъ по Парижу , среди великолѣпныхъ экипажей , въ нѣдрахъ оскорбительной роскоши , копорая являлась всюду.

Скорыми шагами прошелъ онъ мимо мѣняльных лавокъ , гдѣ блистали груды золота . Наконецъ онъ рѣшился продать самого себя — записаться въ военную службу , въ надеждѣ , что эта жертва спасетъ Джиневру и что

въ его описушствіе она можетъ испросить прощеніе отъ Бартоломео.

Онъ пошелъ къ одному изъ производящихъ эпонтъ шортъ людьми и почувствовалъ какую-то радость, увидя въ немъ одного стараго офицера Императорской Гвардіи.

— »Вотъ ужъ два дня, какъ я не ѣлъ!« сказалъ онъ ему слабымъ и пропняжнымъ голосомъ. »Жена моя умираетъ съ голоду. Я не слыхалъ отъ ней ни одной жалобы. Она, я думаю, будетъ улыбаться въ самый часъ смерти. . . . «Умоляю тебя, поварищъ»—прибавилъ онъ съ горькой улыбкой— »не откажись купить меня. Я крѣпкаго сложенія, не нахожусь болѣе въ службѣ и « . . .

Офицеръ далъ Луиджи денегъ въ счетъ суммы, копорую обѣщался ему заплапить.

Несчастный съ судорожнымъ движеніемъ засмѣялся, видя у себя въ рукахъ горсть золота. Онъ изо всѣхъ силъ побѣжалъ домой, и задыхаясь отъ усталости, восклицалъ по временамъ: »О! моя Джиневра! Джиневра! «

Начинало смеркаться, когда онъ прибѣжалъ домой. Онъ вошелъ тихими шагами, чѣмъ не причинить слишкомъ сильнаго волненія женѣ, копорую оставилъ въ большой слабости. Послѣдніе лучи солнца, проникая сквозь верхнія стекла оконъ, умирали на лицѣ Жи-

невры, которая спала, сидя на стулѣ. Ребенокъ лежалъ на груди ея, она крѣпко прижимала его къ себѣ.

—»Проснись, моя Джиневра,« сказалъ онъ, не примѣчая положенія ребенка, опгъ котораго отражался въ эту минупу какой-то не еспешивный блескъ.

Бѣдная мать открыла глаза и, вспрѣпивъ взоръ своего Луиджи, улыбнулась; но Луиджи съ ужасомъ отступилъ назадъ: ибо Джиневра совершенно перемѣнилась и онъ едва могъ узнать ея. Онъ съ дикой выразительностью показалъ ей золото, которое было у него въ рукахъ. Джиневра машинально засмѣлась; но вдругъ закричала ужаснымъ голосомъ :

—»Людовикъ! Ребенокъ мой оледенѣлъ! ...«

Она взглянула на сына и упала безъ чувствъ: ребенокъ былъ мертвъ.

Луиджи взялъ на руки жену свою, оставивъ при ней ребенка, котораго она прижимала къ сердцу съ непоспжимой силой, и положивъ ее на постель, выбѣжалъ, чшобъ позвать кого нибудь на помощь.

—»Боже мой!« вскричалъ онъ своему хозяину, котораго вспрѣпилъ на лѣспницѣ : »у меня есть золото, и сынъ мой умеръ съ голоду. Мать его умираетъ — я самъ едва дышу... Помогите намъ...«

Онъ въ мрачномъ опчальнѣи возвратился къ Джиневрѣ; между тѣмъ какъ честный подрячикъ и нѣсколько сосѣдей собирали все, что могло облегчить нищету ихъ, о кошорой до той поры никто не зналъ; ибо супруги, по какому то чувству гордости тщательнѣо скрывали ее отъ всѣхъ. Лунджи бросилъ золото на полъ и споялъ на колѣняхъ, у изголовья постели, на кошорой лежала Джиневра.

—»Батюшка!« воскликнула она въ бреду своемъ: »не оставьте Лунджи и сына моего....«

»О! успокойся, мой ангелъ! «вскричалъ Лунджи, покрывая лице ея поцѣлуями: »прекрасные дни еще ожидаютъ насъ.«

Звукъ его голоса и ласки нѣсколько успокоили Джиневру.

—»О! мой Людовикъ!«—возразила она, посматрѣвъ на него съ необыкновеннымъ вниманіемъ— »выслушай, что я скажу тебѣ. Я чувствую, что близокъ конецъ мой: но это очень естественнѣо! Я перенесла слишкомъ много страданій: припомъ же — за блаженство, копорымъ я наслаждалась, можно было заплащить одною только смертію! — Да, мой Лунджи, упошсья! — Я была пакъ счастлива....что еслибъ снова начала жизнь свою, то не опказалась бы отъ нашей участи! Я жестокая мать: ибо о тебѣ жалѣю болѣе, чѣмъ о моемъ сынѣ«..

—»Сынъ мой!..«прибавила она глухимъ голосомъ. Двѣ слезы выкапились изъ умирающихъ глазъ ея и она снова начала прижимать къ груди своей холодный прунъ, который лщепно спаралась согрѣть.

—»Отдай волосы мои оицу моему, въ память его Джиневры—«продолжала она—»скажи ему, что я никогда не обвиняла его...«

Голова ея склонилась на грудь Луиджи.

»Нѣтъ! ты не можешь умереть!« вскричалъ онъ: »сей часъ придетъ докторъ...у насъ есть хлѣбъ!...Отецъ проспитъ тебя. Счастье снова намъ улыбается. Останься, ангель благоспи!..«

Но ея сердце, исполненное вѣрности и любви, переспавало уже биться: Джиневра все еще обращала взоры на своего возлюбленнаго, но почти ничего уже не оищала. Смущенныя карпины представлялись ея воображенію, которое начинало перять всѣ воспоминанія о земномъ; однакожь она чувствовала, что Луиджи былъ подлѣ ней: ибо все съ большею силою жала охладѣвшую руку его. Казалось, что она хочетъ удержаться на краю пропасти, въ которую спрашився низвергнуться.

—»Другъ мой!« сказала она наконецъ: »ты озябъ—я здѣсь согрѣю тебя...«

Она хотѣла положить руку Луиджи на свое сердце— и испустила духъ. Два Доктора,

Священникъ и сосѣди вошли въ эту минушу, неся все, что нужно было для спасенія несчастныхъ супруговъ.

Сначала слышанъ былъ большой шумъ; но когда всѣ вошли въ комнапу, то послѣдовало ужасное молчаніе. . .

НАКАЗАНИЕ.

Барполомео и жена его сидѣли въ своихъ спаринныхъ креслахъ; по сторонамъ большаго камина, коего пылающій косперъ едва согрѣвалъ огромную ихъ госпиную.

На часахъ пробило двѣнадцать.

Супруги давно уже потеряли сонъ.

Теперь они были молчаливы, подобно двумъ спарикамъ, копорые впадають въ младенчество, смотряпъ на все и ничего не видяпъ.

Пустая, но полная воспоминаній, госпиная, была слабо освѣщена лампою, копорая уже угасала; и одинъ прескучій огонь, разведенный въ каминѣ, разгонялъ нѣсколько мракъ, ихъ окружавшій.

Одинъ изъ знакомыхъ только что ихъ оспавилъ.

Спуть, на копоромъ онъ сидѣлъ во время своего посѣщенія, споялъ между двухъ супруговъ.

Піомбо уже не одинъ разъ бросалъ мрачныя взоры на эпомъ спуль. Взоры сіи были исполковашелями его мыслей. Они слѣдовали одинъ за другимъ, подобно угрызеніямъ совѣсти.

На эпомъ пусомъ спуль прежде сиживала всегда Джиневра.

Марія Піомбо наблюдала выраженія, смѣнявшіяся на блѣдномъ челѣ Барполомео: но, не смотря на то, что она привыкла угадывать чувства Корсиканца по измѣненію его лица, черпы его были шеперь попеременно такъ грозны и такъ унылы, что она не могла болѣе чипать въ непоспимой душѣ его.

Неизнемогалъли Барполомео подъ бременемъ шагоспныхъ воспоминаній, пробудившихся въ немъ при видѣ сего спула?

Или не былъли онъ оскорбленъ шѣмъ, что со времени изгнанія Джиневры, въ первый разъ только сидѣлъ на немъ поспоронній?

Или не пробилъли уже часъ милосердія — часъ, дополь споль щичепно ожидаемый?

Таковы были размышленія, волновавшія одно за другимъ сердце Маріи Піомбо. Черпы лица Барполомео были нѣсколько минушь такъ ужасны, что она зашрепепала и уже раскаявалась въ просшой хипрости, употребленной ею для того, чтообъ найпи случай заговорить о Джиневрѣ.

Въ эту минуту засвисѣлъ холодный сѣверный вѣтеръ и клочья снѣга съ такою силою ударились о спавни, что спарикамъ слышался легкій шорохъ. Мать Джиневры запрепепала и опустила голову, чѣмъбы скрыть слезы свои опъ неумолимаго Піомбо.

Изъ груди спарика вырвался вдругъ тяжелый вздохъ. Жена взглянула на него . . . онъ былъ задумчивъ.

Тогда она осмѣлилась заговорить о своей дочери. Это случилось только во впорой разъ, въ печеніе прехъ лѣтъ.

— »Джиневра, можешъ бышь, озябла . . . « сказала она тихимъ голосомъ.

Піомбо содрогнулся.

— »Она, можешъ бышь, голодна ! . . « продолжала она.

Слеза навернулась на глазахъ Корсиканца.

— »Я знаю—« сказала Марія съ выраженіемъ опчаянія— »что она родила и не можешъ кормить своего ребенка: у ней пропало молоко.«

»Пусть она придетъ ! пусть придетъ ! « вскричалъ Піомбо.

— »О милая дочь моя ! Ты побѣдила ! Джиневра ! . . . «

Марія привспала, какъ будто для того, чѣмъбы идти за дочерью.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ распворилась и человекъ, въ лицѣ котораго не осша-

валось признаковъ чловѣчества, стремительно бросился промежду ихъ.

— »Семейства наши должны были испребились . . . одно чрезъ другое!« вскричалъ онъ. »Она умерла! умерла! . . . все. . .«

И бросивъ на сполъ длинную черную косу Джиневры, онъ воскликнулъ :

— »Вопъ все, что опъ ней оспалось!« . . .

Спарики содрогнулись, какъ будто пораженные ударомъ грома. Такъ какъ они болѣе не видали предъ собою Луиджи, то все это походило на ужасное, сверхъестественное явленіе.

— »Онъ умеръ! . . . « сказалъ медленно Бартоломео, посмолрѣвъ на землю.

»И дочь наша также умерла!« — отвѣчала мать, вспавъ съ своего мѣспа съ судорожнымъ движеніемъ. Попомъ она опспунила лага при назадъ.

Піомбо сполъ неподвиженъ, не выронивъ ни одной слезы.

— »Ничего!« сказалъ онъ глухимъ голосомъ, смотря на косу Джиневры. — »Ничего болѣе! . . . И одинъ!«

Съ Фр. Н. П — ъ.

IV.

РАЗСВѢТЪ.

Только лучъ первый дня ,
 Сумракъ ночи гоня ,
 Загорается—
 Подъ навѣсомъ вѣтвей,
 Треля пѣснь, соловей
 Просыпается.

Сквозь зеленый простынь ,
 Гдѣ раскинулъ тальникъ
 Вѣтви гибкія —
 Полусонный ручей
 Капиль съ шумомъ, быстрый
 Волны зыбкія.

Сладко вѣетъ весной
 Опъ сирени молодой,
 Разцвѣтающей ;
 Пчелка къ липникамъ льнетъ,
 Сокъ собирая на сотѣ,
 Злапомъ тающей.

Не спиши, ранній день,
 Ночи гнать мрачну тѣнь
 Блескомъ радостнымъ!
 Не буди, соловей,
 Тайной думы моей
 Пьемъ сладостнымъ!

На рукѣ у меня,
Жарче лѣпняго дня,
Спитъ красавица:
Щечки пышутъ въ огнѣ,
Она сладко во снѣ
Улыбается.

Русы кудри волной
Пали къ груди молодой,
Перебѣжныя.
Ты не лѣспишь ли, мечта!
Мое нмѣ успѣ
Шепчутъ нѣжныя.

Вотъ проснулась она:
Какъ взглянула она
Томно, сладостно!
День, зажгися ярчѣй!
Звонче пой, соловей!
Мнѣ такъ радостно!

Д. Ознобишинъ.

V.

СВОЙСТВО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАРАЗЪ ВООБЩЕ
И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ХОЛЕРЫ.

(окончаніе)

СВОЙСТВО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ ХОЛЕРЫ
(Cholera-Morbus).

Что есть холера? Эпидемическая болѣзнь, обнаруживающаяся (по наблюденіямъ врачей) головокруженіемъ, поскою и изверженіемъ слизисто-водянистаго вещества, посредствомъ рвоты и поноса. При семъ больные чувствуютъ сильную боль подъ ложечкою; пульсъ имѣютъ весьма слабый, почти неосызаемый; плѣ у нихъ хладѣетъ; въ рукахъ и ногахъ появляются корчи (а); глаза шускнутъ и вмѣстѣ съ вѣками, ограниченными синимъ и впалымъ кружкомъ, глубоко въпягивающа въ глазную ямину; лице спадаетъ и также въпягивается внутрь; носъ заостряется; языкъ бываетъ по большей части влажной, но холодной; голосъ необыкновенной-гробовой (*vox cholericæ*).

Всѣ сіи припадки ясно доказываютъ, что сущность холеры состоитъ въ спаданіи

(а) По присутствію корчей въ сей болѣзни, простой Русской народъ называлъ холеру *корюшкою* и *корчею*.

нервной, мышечной, кровеносной и пищеварительной системы. Но средопочіе болѣзни, по видимому, заключается въ нервной системѣ узловъ, раздѣляющихся въ системѣ пищеварительной и кровеносной; нервы же, происходящіе отъ головного и спиннаго мозга, и управляющіе, по волѣ души нашей, чувстввами и мышцами, спускаются въпоричнымъ образомъ, по сочувственной связи ихъ съ нервною системою узловъ.

Первоначальное спаданіе нервной системы узловъ доказывается: а) постепеннымъ развитіемъ холеры, начиная отъ корня жизни (орудій пищеварительныхъ) до плода (головнаго и спиннаго мозга; б) поперею аппетита за нѣсколько времени до появленія рвоты и поноса; в) отдѣленіемъ въ большомъ количествѣ сѣро-и-угле-водорода въ кишечномъ каналѣ, что доказывается необыкновеннымъ урчаніемъ въ животи и частымъ изверженіемъ сихъ веществъ верхомъ и низомъ; д) недоспающимъ, а во время рвоты и поноса, совершенно прекращеннымъ отдѣленіемъ желчи: это подтверждается тѣмъ, что цвѣтъ кожи у людей, расположенныхъ къ холерѣ, болѣе или менѣе измѣнялся, и получалъ, еще до появленія рвоты и поноса, желтовато-зеленый оттѣнокъ; е) уменьшеннымъ отдѣленіемъ мочи; ф) плоскою, ро-

боспью и уныніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди боязливые и робкіе, чаще подвергались холерѣ, нежели тѣ, которые съ мужеспвомъ и твердоспью переносили сіе народное несчастье ; g) рвопою и поносомъ, иногда одною рвопою, или однимъ поносомъ, безъ сущеспвующаго воспаленія, какъ въ желудкѣ, такъ и кишкахъ а); h) болью подъ ложечкою спазмодическаго качества ; i) измѣненною жизнедѣятельностію сердца, кровеносныхъ сосудовъ и самой крови.

Сердце и артеріи у больныхъ холерою находятся въ явномъ спазмодическомъ состояніи, и средоспремительная сила ихъ волоконъ имѣетъ оцущипельный перевѣсъ надъ средобѣжною ихъ силою. Это доказываеа: а) малымъ количеспвомъ крови, протекающей у холериковъ въ волосныхъ сосудахъ и другихъ мѣлкихъ вѣпвахъ артеріозной системы, раздѣляющихся на поверхности пѣла, и скопленіемъ оной около

а) Московскіе врачи, вскрывавшіе трупы людей, умершихъ отъ холеры, часто находили признаки воспаленія въ желудкѣ или кишкахъ, у пахвхъ, которые умерли спустя при дня отъ появленія рвопы и поноса; напротивъ того у тѣхъ, кои умерли въ первые два или при дня, считая со времени появленія рвопы и поноса, не только не было замѣчено воспаленія, но даже у многихъ желудокъ и кишки оказывались блѣднѣе обыкновеннаго.

ТЕЛЕСК. Ч. II.

35

центра кровообращенія и во внутреннихъ частяхъ тѣла ; b) сжатымъ и едва осязаемымъ пульсомъ ; c) охлажденіемъ тѣла , которое начинается съ рукъ и ногъ и оканчивается въ груди ; d) холоднымъ попомъ , который ни мало не облегчаетъ болѣзни ; ибо означаетъ уменьшеніе живоїтнѣи теплоты , и слѣдовательно зависящъ не отъ средобѣжнаго , а отъ средоспремипельнаго движенія крови ; e) синешою тѣла , кошоая , какъ мнѣ кажется , болѣе происходитъ отъ весьма несвободнаго прохожденія крови чрезъ обѣ полныя вены , верхнюю и нижнюю , въ правый желудочекъ сердца , нежели отъ раскисленія ея ; такъ что кровь , оспанавливаясь въ большихъ спиволахъ венъ , оспанавливается и въ мѣлкихъ , лежащихъ подъ кожею , и такимъ образомъ служишь пришиноаго синяго цвѣта тѣла.

Измѣненное качество крови обнаруживается : a) излишнейо густошою и темношою цвѣта ея ; это доказываеиися кровопусканіемъ : кровь , пущенная изъ вены бошняго холерою , бываетъ очень темна , густа , течетъ медленно , по каплямъ , и шопчасъ ссѣдается въ густую массу ; b) разрѣшеніемъ ея на часетъ волокнистую и водянистую . Первая оспаеиися въ сферѣ кровеносной сисшемы , мало по малу ссѣдается и образуеишь въ сер-

дечныхъ желудочкахъ и большихъ стволахъ артерій и венъ, полипообразные сросстки, которые, запирая главные пупки кровообращенія, служатъ, кажется, главною причиною смерти тѣхъ больныхъ, у которыхъ эта сгустившаяся и сѣвшаяся масса крови, силою природы или искусства, не будетъ приведена въ жидкое и удободвижимое состояніе; въторая часть разрѣшенной крови, т. е., водянистое вещество (*serum sanguinis*) отпалкивается къ полюсу, противоположному, центру кровообращенія. Большая часть сего вещества успрямляется къ слизистой перепонкѣ, отдѣвающей внутреннюю поверхность кишечнаго канала, и, по причинѣ существующаго уже въ ней раздраженія, отдѣляется въ полосѣ сего канала, изъ котораго попомъ извергается вонъ верхомъ и низомъ, или копорымъ - нибудь однимъ изъ сихъ двухъ пупей.

Спраданія нервовъ, берушихъ свое начало отъ спиннаго и головнаго мозга, и спраданія мышцъ, отъ нихъ зависящихъ, суть уже вторичныя или сочувственныя явленія въ сей болѣзни: ибо онѣ—(разумѣя постепенное, а не быстрое развитіе холеры)—обнаруживаются тогда, когда появлялся шоска, рвога, поносъ и проч. И такъ холерическій голось, корчи и спазмы мышцъ — суть важнѣйшіе нервныя припадки въ сферѣ живошней жизни.

Къ какому классу болѣзней принадлежить разсматриваемая нами холера: къ прилицивымъ или исприлицивымъ? къ нѣзиснымъ или наноснымъ? Первый вопросъ пока освѣсился Гордіевымъ узломъ, кошорый предоснавало рѣшилъ нѣтъ, кошорые нѣтъ много опытовъ и наблюдений; а на второй вопросъ рѣшилъ опѣчаю, что первоначальная причина, провзводящая холеру, естъ *заносная*, ко- ея дѣйствіе весьма много зависѣло отъ спеченія нѣкошорыхъ вѣшнихъ и внушренихъ условий.

Изъ числа вѣшнихъ условий, однѣ предшествовали, другія сопровождали холерную эпидемию. Должно обратишь вниманіе на оба сн рода условий; ибо онѣ имѣють связь между собою.

Изъ вѣшнихъ условий, предшествовавшихъ холерѣ въ Москвѣ, я считаю доспойными замѣчанія слѣдующія:

1) *Сильные жары днемъ и холодныя ночи.* Въ самомъ дѣлѣ жары дневные въ Іюль и Августѣ мѣсяцахъ въ Москвѣ по Р. Т. доходили иногда до 36°, а ршупъ въ барометрѣ всегда стояла выше 27 дюймовъ по Французскому размѣру: пакъ что изъ всѣхъ наблюдений, сдѣланныхъ въ Іюль, средняя шемпература въ 6 часовъ ушра была + 14, 9; въ 9 часовъ ушра + 18, 3; въ 2 ч. по полудни + 20, 3;

въ 9 ч. вечера + 14, 3. Но эти наблюде-
нія относятся только до температуры въ
тѣни. Напротивъ средняя температура на
солнцѣ, по тому же термометру, была въ 9
ч. утра + 26, 8, а во 2 ч. по полудни + 29, 2.
Августъ мѣсяцъ, судя по предшествовав-
шимъ годамъ, былъ также весьма жарокъ.
Начиная опъ 2 по 16 число, термометръ на
солнцѣ въ 2 часа по полудни показывалъ или
+ 33° или + 35° или 36° теплоты; даже и
въ послѣднихъ числахъ во 2 ч. по полудни
онъ показывалъ не менѣе + 21° и + 22°: такъ
что изъ всѣхъ наблюдений, сдѣланныхъ въ Ав-
густъ мѣсяцъ 1830 года почтеннымъ Профес-
соромъ И. М. Университета Д. М. *Перезици-*
ковымъ, средняя температура была въ 9 ч.
утра + 24°, 0; а въ 2 ч. по полудни + 26°, 4.
Надобно замѣтить, что въ Августъ мѣсяцъ,
сильные дневные жары были сменяемы доволь-
но прохладными ночами.

2) *Спокойное состояніе атмосферы.* Не смо-
тря на то, что дни были жаркіе, а ночи
прохладныя, въ атмосферѣ надъ Москвою цар-
ствовала тишина, не возмущаемая ни вѣт-
рами, ни вихрями, ни бурями, ни грозою, ни
дождями.

3) *Равномерная напряженность электри-*
чества на большомъ пространствѣ во всѣ спо-
роны, и преврътъ онаго надъ магнетизмомъ.

просто сказать : перевѣсъ распространительной силы надъ припугивательною или сжимательною силою. Это доказывается жарами и пишиною, господствовавшими въ атмосферѣ, и вліяніемъ ихъ на органическое царство природы и на здоровье людей; и также избыткомъ жизни и здоровья между животными и людьми а) и недоспашкомъ оныхъ между расптніями. Извѣстно, что холерная эпидемія предшесвуема была развитиемъ безчисленнаго множества животныхъ зародышей, появленіемъ червей (личинокъ, larva) и насѣкомыхъ изъ рода мошкары, которыя лепали по улицамъ, садились на сады и огороды, уже увядавшіе отъ жаровъ и засухи, и съ жадностію пожирали пруды рукъ человѣческихъ, какъ бы предчувствуя, что

а) Избытокъ жизнедѣятельности и здоровья между людьми доказанъ весьма малымъ числомъ больныхъ и умершихъ въ Августъ и Септябрь, предъ появленіемъ холеры. Достойно замѣчанія также и то, что во время холерной эпидеміи въ Москвѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ ней за сто и болѣе верстъ, жили деревни и городовъ наслаждались лучшимъ противъ прежняго здоровьемъ и умирающихъ между ими почти совсѣмъ не было; словомъ: вліяніе холерной эпидеміи въ однихъ мѣстахъ сопровождалось болѣзнію и смертію, а въ другихъ въ то же время процвѣтали здоровье и жизнь.

воспитателямъ ихъ, они уже пищею служить не будутъ.

Такимъ образомъ возвышенная температура воздуха и равномерная напряженность электричества, усиливая съ одной стороны жизнедеятельность животныхъ, а съ другой уменьшая оную въ растѣнiяхъ, по причинѣ недостатка въ водѣ, какъ веществъ необходимомъ для ихъ питания, произвели то, что листья растѣнiй, будучи сухи, вялы и пожираемы насекомыми: а) не могли при солнечномъ сіяніи отдѣлять въ такомъ количествѣ кислорода, каковое необходимо для благорасцвѣтенiя воздуха; б) органическія вещества, находящiяся въ почвахъ, изобилующихъ черноземомъ, и гниющiя въ нужныхъ мѣстахъ, на кладбищахъ и скопобойняхъ, въ мясныхъ и рыбныхъ лавкахъ, въ рѣкахъ, озерахъ, большихъ канавахъ, на фабрикахъ: кожевенныхъ, сальныхъ, мыловаренныхъ и проч.; по причинѣ сосредоточiя условiй, нужныхъ для гнилаго броженiя, подвержены были повсемѣстному и быстросрому разрушенiю. Опъ сего произошло, что Московская атмосфера, предъ холерою, служила магазиномъ удушливыхъ испаренiй, копорыя, скопляясь въ ней, не имѣли другаго движенiя, кромѣ восходящаго (днемъ опъ жаровъ) и нисходящаго (ночью опъ холода); ибо въ сей атмосферѣ, какъ выше было ска-

зано, царспвовала пишина, не возмущаемая ни въпрами — (разумѣя, значительными) — ни вихрями, ни бурею, ни грозою, ни сильными дождями, какъ средспвами, копорыя природа употребляетъ для перемѣшанія верхнихъ слоевъ воздуха съ нижними, для разсѣянія по воздушному океану удушливыхъ испареній, и для приведенія элекпричества въ равновѣсіе съ магнетизмомъ.

Весьма вѣроятно, что дневные жары, смѣняемые ночнымъ холодомъ, и удушливыя испаренія, по восходившія въ верхніе слои воздуха, по къ низу осаждавшіеся, служили однимъ изъ важнѣйшихъ условий, расположившихъ Московскихъ жителей къ принятію холерной эпидеміи и содѣйствовавшихъ распространенію оной по многочисленнымъ, тѣснымъ и сырýmъ домамъ, построеннымъ на почвѣ насыпной, также сырой и холодной; словомъ: по всемъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ магнетизмъ, какъ представитель средспремительной или сжимающей силы, бралъ перевѣсъ надъ теплотою и элекпричествомъ, какъ представителями средобъжной или расширительной силы природы, бывшими предъ холерною эпидеміею, въ сильномъ напряженіи.

Изъ числа условий, сопровождавшихъ холерную эпидемію, слѣдующія внѣшнія условія оказались содѣйствующими развитію холеры.

а) *Ночлеги* на открытомъ воздухѣ, и особенно близъ воды, на пр. на баркахъ.

б) *Жилища* въ нижнихъ этажахъ, и вообще въ домахъ, построенныхъ на почвахъ низменныхъ и сырыхъ, коихъ верхній слой насыпной, а нижній, или дно состоишь изъ глины, какъ вещества холоднаго и худо пропускающаго сквозь себя воду. Такое же вліяніе оказываютъ на развитіе холеры и дома, близко одинъ опъ другаго построенные и наполненные жильцами, не пекущимися ни о чистотѣ ни объ опрятности. Причина очевидна: сырыя почвы холодны, слѣдовательно и дома, на нихъ построенные, холодны, сыры и располагаютъ къ простудамъ и кашарральнымъ болѣзнямъ. Насыпныя почвы, состоящія изъ минеральныхъ и разрушающихся органическихъ веществъ, равно какъ тѣсныя, многлюдныя и неопрятныя жилища, составляютъ неизчерпаемый магазинъ удушливыхъ испареній, коихъ пагубное дѣйствіе на развитіе холеры доказано многими опытами. Въ-роаятно, эти удушливыя испаренія, сырость и холодъ, равно какъ и другія обстоятельство, о коихъ рѣчь будетъ ниже, похищаютъ изъ тѣла нашего одно изъ важнѣйшихъ условий, безъ котораго оно не въ состояніи противодѣйствовать первоначальной причинѣ, производящей холеру.

с) *Простуда*, какъ посредствомъ воды и воздуха, такъ и посредствомъ холоднаго питья. Вообще простуда во время холерной эпидеміи, особенно въ началѣ и срединѣ ея, споль была опасна, что мѣсто обыкновенныхъ простудныхъ болѣзней, каковы: кашель, поносъ, ревматизмъ, лихорадка и горячка, по большой части засипупала холера, которая или прямо открывалась, или начавшись обыкновенною простудною болѣзнію, послѣ превращалась въ холеру. Были примѣры, что горячки, предшествовавшія холерной эпидеміи, при появленіи оной, оканчивались холерою.

д) *Пища*: а) *Растительная*. Нѣкоторыя растительныя произведенія, употребляемые безъ осторожности, во время холерной эпидеміи, оказались содѣйствующими раскрытію холеры; къ таковымъ я отношу: кислыя и сырыя яблоки, арбузы, дули, сырую рѣпу, морковь, капусту. Эти плоды и овощи, охлаждая брюшныя внутренности, сперва производили поносы, а потомъ и самую холеру. б) *Животная*. Нѣкоторые съѣстные припасы изъ животнаго царства такъже подавали явный поводъ къ образованію холеры. Къ таковымъ причисляю я жирныя, копченыя ислишкомъ соленыя вещества, на пр. свинину, колбасы, соленую рыбу, жирныхъ гусей, утокъ и ш. п.

е) *Питье*: а) *Вода*, коею Московскіе жише-

ли въ разныхъ видахъ уполяютъ свою жажду, во время свирѣпствованія холеры, по видимому, ничего особеннаго въ себѣ не содержала. Предъ наступленіемъ же эпидеміи, въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, она была теплѣ обыкновеннаго, и поному могла содержать въ растворѣ своемъ большое количество разрушающихся органическихъ веществъ, служащихъ зародышами для новыхъ живыхъ тварей, каковы: *Зеленая Пристлѣева матерія, наливчатая животная* и п. п. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя изъ спокойныхъ водъ измѣнились не только въ цвѣтъ, но и густотѣ. Такимъ образомъ *Переяславское* озеро, извѣстное по ловлѣ сельдей, которое находится при уѣздномъ городѣ Владимірской Губерніи, Переяславль-Залѣсскомъ, и отстоящее отъ Москвы за 120 верстъ, изъ прозрачнаго сдѣлалось зеленымъ и густымъ, какъ спудень, такъ что это зеленое спуденистое вещество употреблялось городскими жителями вмѣсто зеленой краски а). По прекращеніи жаровъ и при наступленіи осени, оно, мало по малу, исчезло и

а) О семъ весьма любопытномъ явленіи Переяславскаго Озера, я слышалъ отъ людей, заслуживающихъ полную довѣренность, и жившихъ въ то время въ Переяславль Залѣсскомъ. Къ какому роду произведеній принадлежало это спуденисто-зеленое

вода онапъ сдѣлалась прозрачною. Вѣроятно, что это спуденистое вещество не всю массу воды занимало и не имѣло значительнаго вліянія на здоровье водяныхъ жителей; ибо мертвыхъ рыбъ найдено немного. Городскіе жители совершенно ея не употребляли, и во время холерной эпидеміи въ Москвѣ, были гораздо здоровѣе, нежели въ другія времена. б) *Искусственные напитки* изъ распыпелныхъ веществъ, каковы: полпиво, хлѣбное и виноградное вино, не только не предохраняли отъ холеры, но еще болѣе способствовали ея раскрытію; и потому употреблявшіе ихъ безъ умѣренности, почти всѣ сдѣлались ея добычею.

Изъ внутреннихъ условій, располагающихъ шло къ холерѣ, достойны замѣчанія:

вещество, рѣшпъ, не выдавъ его въ глаза, не берусь. Впрочемъ извѣстно, что простое измѣненіе цвѣта воды можетъ произойти отъ весьма мѣлкихъ расптнй и наливчатыхъ живошныхъ, раждающихся въ безчисленномъ множествѣ въ сподчпхъ водахъ во время жаровъ. Измѣненіе еспспва водъ случалось также и въ древнія времена. Извѣстно изъ Св. Писанія, что изъ числа казней, кои Богъ во времена Моисея посылалъ на Египціанъ, одна состояла въ томъ, что воды Египетскія превратились въ кровь, и живущія въ нихъ рыбы перемерли.

а) *Слабое противоудѣйствіе впечатлѣній*, при возвышенной способности принимать оныя. Слѣдовательно холерѣ преимущественно подвергаются люди весьма чувствительные, робкіе и боязливые.

б) *Труды*, сильно изнуряющіе плѣсныя и душевныя силы.

в) *Средній возрастъ*. Казалось бы, что люди средняго возраста должны болѣе противоудѣйствовать вліянію холерной эпидеміи, по причинѣ равновѣсія, господствующаго между средобѣжною и средоспремительною напряженностію ихъ жизненныхъ силъ; но опытъ показалъ прошивное. Младенцы, юноши и спарики рѣдко, а возмужалые очень часто подвергались холерѣ. У первыхъ (младенцевъ и юношей) средобѣжная напряженность жизненной силы владычествуетъ надъ средоспремительною, а у послѣднихъ (спариковъ), средоспремительная имѣетъ перевѣсъ надъ средобѣжною ея напряженностію. Слѣдовательно младенцы и юноши весьма рѣдко подвергались холерѣ, потому, что у нихъ средобѣжная напряженность жизненныхъ силъ, сильнѣе средоспремительнаго вліянія холерной эпидеміи, а спарые люди (при оспо-рожномъ образѣ жизни, какъ условіи необходимомъ для всѣхъ возрастовъ), рѣдко спрадали сею болѣзнію, отъ того, что у нихъ

способность принимать новое и свѣжее вещество, находится въ прямомъ содержаніи съ способностію измѣнять вещество спарое и поношенное. Простѣе сказать: спарческое тѣло, будучи мало чувствительно ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, по причинѣ медленнаго измѣненія органическаго вещества, имѣетъ способность крѣпче удерживать спаринную форму своего существованія, не только съ физической, но и съ нравственной стороны.

Спрашивается: опъ чего люди средняго возраста чаще подвергались холерѣ, нежели другихъ возрастовъ? Опъ того, что у возмужалыхъ легко можетъ нарушаться равновѣсіе между чувствительностію ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ и проптивудѣйствіемъ онымъ: ибо возмужалые люди имѣютъ обширнѣйшее соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, и болѣе подвержены злоупотребленіямъ въ образѣ жизни и діетѣ, нежели молодые и спарики. Такъ какъ первоначальная причина, производящая холеру, рѣдко дѣйствуетъ на спариковъ, попому, что они слабо чувствуютъ ея впечатлѣнія, а на молодыхъ по той причинѣ, что они сильно ей проптивудѣйствуютъ, то легко понять можно, почему люди сего возраста, даже при сихъ условіяхъ, нарушающихъ равновѣсіе между ихъ чувствительностію и проптивудѣйствіемъ организма, рѣдко подвергаются холерѣ.

Гдѣ первоначальная причина холеры, внѣ ли человѣческаго плѣа, или внупри онаго? И въ чемъ состоитъ сущность сей причины? На первый вопросъ рѣшительно можно сказать, что первоначальная причина холеры находится внѣ человѣческаго плѣа; рѣшивъ же второй вопросъ едва ли возможно. Но такъ какъ явленія, происходящія въ неорганическомъ и органическомъ веществѣ природы, согласны бывающъ съ свойствомъ причинъ, производящихъ оныя; то я не излишнимъ почитаю обратить вниманіе читателей на обстоятельства, предшесствующія и сопровождающія припадки холеры.

Замѣчено, что холера поражаетъ людей по большей части два раза въ сутки: 1) либо послѣ обѣда между первымъ часомъ и временемъ паденія вечерней росы (зимою во время паденія инея); либо 2) послѣ полуночи, между первымъ часомъ и временемъ паденія утренней росы, или предъ восхожденіемъ солнца. Въ этомъ она согласуется съ періодичностью воздушнаго электричества и земнаго магнетизма. Хотя извѣстно, что періодичности ихъ современны, но степени ихъ напряженности превращны.

Въ то время, какъ электричество достигаетъ наибольшую степень напряженности, maximum — (около 9 и 10 часа утра, и 10

и 11 часа вечера) — земной магнетизмъ показываетъ наименьшую, minimum; и на оборотъ, когда первое показываетъ наименьшую (около 4—5 часа утра и 4—5 вечера) — послѣдній приобретаетъ наибольшую силу напряженности.

Такое согласіе холеры съ періодичностью земнаго магнетизма относительно къ воздушному электричеству, ведетъ къ заключенію, что первоначальная причина холеры находится въ связи съ теми дѣятелями природы. Не есть ли она слѣдствіе усиленной напряженности магнетизма, представителя тяжести или сжимаемости, какъ основной силы физическаго міра? Эту догадку подтверждаютъ, кажется, слѣдующія обстоятельство :

а) Холера предшесвуема бываетъ *погодой жаркою и сухою*, слѣдовательно напряженностью теплоты и электричества, какъ представителей разширительной или средобъжной міровой силы свѣта; а сопуствуема, бываетъ *погодой сырою и прохладною*, или по крайней мѣрѣ припадки ея обнаруживаются въ то время, когда холодъ и сырость начинаютъ замѣнять мѣсто теплоты и сухости (около 4 и 5 часа вечера и около того же времени утра); слѣдовательно тогда, когда средопреимительная сила природы—тяжесть,

развитая въ магнетизмъ , приобретаеиъ наибольшую силу (тахитимъ).

2) *Припадки*, коими выражается сущность холеры, каковы: рвопа и поносъ водянистымъ веществвомъ , сжашый , почпи неосязасмый нульсъ , спазмы мышицъ и корчи , охлажденіе шѣла , шемная и гусшая кровь , ссѣдающая въ полипообразные сроспки , и проч. весьма ясно показывающъ , что средоспремишельная сила имѣеиъ перевѣсъ надъ средобѣжною , выражающеюся живошнымъ элекпричесшвомъ , и что шѣло больного холерою разряжается наподобіе Лейденекой банки.

3) *Причины* , располагающія къ принлптію холеры , или содѣйствующія первоначальной причинѣ , производящей холеру , покорипъ своей силѣ жизнедѣятельность организма , супъ шакого рода , что средоспремишельная сила организма опѣ ихъ вліяніа усиливается , а средобѣжная ослабляется. Къ шаковымъ причинамъ преимущественно опносятся : сырой и холодной ашмосферической или комнапной воздухъ ; охлажденіе послѣ сильного разгоряченія , на пр. , послѣ бани , пльнства , гнѣва и ш. п. ; пища , состоящая изъ сырыхъ и прохладипельныхъ плодовъ , изъ яспвъ копченыхъ , жирныхъ , соленыхъ и пряныхъ , возбуждающихъ сильную жажду ; напипки , сначала сильно возбуждающіе , а попиомъ сопровожда-

ющіеся разслабленіємъ , на пр. , спиртные ; воздухъ , наполненный удушливыми испареніями въ пѣсныхъ и многочисленныхъ мѣстахъ , домахъ и проч.

4) *Удачное мѣненіе* , состоящее въ возбужденіи теплоты и усиленіи жизненнаго электро-химическаго процесса посредствомъ теплыхъ припарокъ и ваннъ , теплаго ароматическаго питья , также посредствомъ пренія спиртами , щепками , суконками , фланелью . Словомъ : холера вымывалась только тогда , когда силами природы или искусства воспламенялись равновѣсіе и порядокъ между средо-бѣжною и средоспремительною силами организма .

А. Л-кій.

VI.

БИБЛИОГРАФІЯ.

— СОКРАЩЕНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ , *изданное для Воспитанницъ Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины Александромъ Преображенскимъ*. 3 части. Москва, въ Унив. Типогр. 1831. — «Кривиковать историческія произведенія , назначаема для употребленія учащихся , не бесполезно ; ибо сочиненія сего рода , если не будутъ образцовыми въ сравненіи съ другими , за то имѣютъ обширнѣйшее вліяніе , и ошибки , въ нихъ заключающіяся , весьма опасны , потому что читаются людьми , еще не способными предохранять себя

опть оныхъ» (а). Сіе мнѣніе знамениаго *Тьерри* побудило насъ къ разбору Всеобщей Исторіи, сокращенной *Г. Преображенскимъ*.

Предсавивъ всѣ вѣка въ настоящемъ ихъ видѣ, съ оплчичительною ихъ характериспикою — воптъ совершенснво, до котораго усиливается довести Исторію въ новѣйшія времена! Но дабы, взирая на споль вѣрное изображеніе жизни народовъ, вполнѣ понимать оное, дабы не запруднятъ вниманія многосложноспкію фактовъ, изъ конхъ она слагается, необходимо подвеспи оныя подъ начала, показати еспешивенную ихъ между собою связь и освѣспитъ ихъ непреложными историческими законами—воптъ назначеніе Исторіи, какъ науки!

Только въ семъ видѣ Исторія пріобрѣспаептъ всю свою классическую важноспъ; и если позволительно и даже необходимо всѣ историческія испины и законы приспособлять къ возраспу учащихся, приводить къ болѣе яснымъ и проспѣйшимъ началамъ; если позволительно иногда принимать форму разсказа болѣе завлекапелную, нежели серъзную, ученую; то не проспѣптельно для какой-нибудь частной цѣли искажать самыя высокія и вмѣсптъ очевидныя испины и невѣрно изображать самыя важныя событія. Заспавлять предковъ нашихъ думать и дѣйспвовать такимъ образомъ, какъ они не могли ни думать, ни дѣйспвовать, и наоборотъ обвинять ихъ за то, что они не имѣли идей, для образованія конхъ поспребны были вѣковыя усилія ума человѣческаго; заспавлять своихъ современниковъ ложно понимать все прошедшее, показывать имъ вѣка минувшіе сквозь спекло заблужденій и, называя

(а) *Lettres sur l'Histoire de France, par A. Thierry.*

Исторію наукою, представлять ее сказкою безсвязною, тяжело пересказанною — это болѣе, чѣмъ непро-спительно. Но къ сожалѣнію благомыслящихъ людей паковы доспюниства *Сокращенія Всеобщей Исторіи*, написаннаго Г. *Преображенскимъ* — сокращенія, которое слишкомъ далеко отспало отъ незавидныхъ трудовъ Шрекка, Кайданова, Басалаева и подобныхъ, которое почти отспало даже отъ Крапкой Исторіи Рос-сійскаго Государства, сочиненной Ил. Васильевымъ, и которое могло явиться у насъ послѣ перевода пре-краснаго введенія во Всеобщую Исторію для дѣтей, написаннаго А. Шлецеромъ.

Вотъ доказательство, на которыхъ мы основываемъ наше сужденіе!

Въ предувѣдомленіи къ своему *сокращенію* Авторъ говоритъ, что Исторія есть обширная наука, но опредѣляетъ оную такъ: «Исторія есть изложеніе достопамятныхъ происшествій». Что же разумѣетъ онъ подъ *достопамятными происшествіями*? «Туманное пѣпно, появившееся въ области свѣпиль и подтверждающее теорію Лапласа объ образова-ніи міровъ, болѣе нежели достопамятно: но можно ли говорить объ немъ во Всеобщей Исторіи? Земле-присяненіе, огнедышущія изверженія въ спранъ безплод-ной, болѣе нежели достопамятны для Естествоиспы-пателя; но прилично ли говорить о нихъ въ Исторіи народовъ? Опредѣляя такимъ образомъ Исторію, самъ Авторъ рассказываетъ намъ, какъ Римлянинъ убилъ кошку (ч. I. ст. 35), какъ Спартанцы ѣли черную похлебку (ч. I. ст. 39), какъ Калпурніи, супругъ Юлія Цесаря, представилось видѣніе (ч. I. ст. 80), какъ видно было сѣверное сіяніе и появилась коме-та, и пр. и пр. Это для него *Историческія достопа-*

милости! Какоежъ понятіе получатъ ученикъ объ Исторіи, какъ Наукъ, изъ сего обвѣщалаго, несправедливаго опредѣленія? Что выведетъ онъ изъ сего сбора и важныхъ событій и пуспыхъ анекдотовъ?

Ничпо не можетъ быть выше и для человѣка существенно полезнѣе, какъ изслѣдованіе законовъ и возможнаго до нѣкоторой степени вліянія воли человѣческой на сіи самыя законы, по которымъ образовались тѣ великія полипическія общества, гдѣ люди могутъ существовать подъ кровомъ безопасности, гдѣ одинъ безъ затрудненія дѣйствуетъ для миллионъ людей, и гдѣ одинъ пользуется трудами сихъ миллионъ не только безъ ущерба, но даже съ выгодами для нихъ самихъ? Показать начало, развитіе, полную жизнь таковыхъ обществъ, не забывая ни одного сословія, показать систему, которую образуютъ собой сіи общества, преимущественно во времена новѣйшія—вопъ великая задача Исторіи! Но *Г. Преображенскій*, принявшій синхронистическій способъ писанія, только что связалъ годами различныя, державшіяся въ памяти людей, происшествія: онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о жизни народовъ, ни о полипическомъ ихъ организмѣ, ни объ отношеніи ихъ къ великимъ представившимъ бытія и дѣятельности ихъ — великимъ людямъ. У него Ассуръ, Немвроды, Клодевики, какъ будто льются изъ ничего государства и являются глубокомысленными и дальновидными полипиками; между тѣмъ какъ они, исполненные варварства, не могли не только управлять государствами, не только владѣть народами полипически, но не окончили даже поземельнаго завосанія тѣхъ странъ, въ коихъ почитаются основателями государствъ. Великія государства, по словамъ *Г. Пре-*

ображенскаго , разрушаются не рѣдко отъ произвола одного человѣка ; между тѣмъ какъ необходимы цѣлыя вѣки, тысячи обстоятельствъ и, шакъ сказать , законныя причины такого разрушенія. Вотъ какъ понимаешь и объясняешь отъ начало , жизнь и конецъ всякаго государства.

Изображая отношенія Хронологіи и Географіи къ Исторіи , онъ говоритъ , что «первая показываетъ времена , а вторая *мѣста происшествій*.» Это старинная пѣсня, напѣваемая во всѣхъ Введеніяхъ въ Историю. Но не уже ли, на пр. Средняя Азія занимательна для Исторіи только потому , что находилась подъ извѣстными градусами , а не потому , что свойство ее неудобно для осѣдлости народовъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, не имѣютъ времени занявшись чѣмъ-нибудь посполюнно и, находясь въ семъ положеніи , не могутъ имѣть никакой надежды на успѣхи въ гражданственности; которые должны тамъ вѣчно скитаться съ своими сподами , получая отъ нихъ продовольствіе , содержа въ табуны лошадей и такимъ образомъ воспитывая у себя конницу, не разъ низпровергавшую и основывавшую государства сильныя и успроенныя?

«Всеобщая Исторія», говоритъ онъ , «описываетъ происшествія всѣхъ государствъ и народовъ, отъ сотворенія міра до нашихъ временъ существовавшихъ и существующихъ.» Но какое право имѣютъ народы Африки и Америки на мѣсто во Всеобщей Истории, доколѣ дѣйствія ихъ были однообразно ничтожны, доколѣ они не имѣли какого-либо отношенія къ государствамъ или народамъ , составляющимъ важнѣе звенья въ цѣпи человечества , доколѣ они принадлежали къ тому человечеству только по имени людей? И почему

самъ Авторъ ни слова не говоритъ о происшествіяхъ въ Средней Африкѣ, Сѣверной Азіи, начиная, какъ онъ выражается, отъ сотворенія міра до нашихъ временъ?

Таковы общія основныя понятія объ Исторіи *Г. Преображенскаго*. Чтожъ касается до частныхъ ошибокъ, пропусковъ, недосмотровъ и просмотровъ, коими наполнены изданныя имъ при частіи, то, дабы не затруднить вниманія читателей, мы представимъ имъ только нѣкоторые изъ первыхъ появившихся неглизностей, кои учащимся могутъ внушить самыя ложныя понятія объ историческихъ происшествіяхъ.

—Жизнь Патріархальную называютъ онъ образомъ правленія!! (Ч. I. с. 10).

—Набополассаръ и Новохудоносоръ *прославились*—чѣмъ вы думаете?—тѣмъ, что «первый *завоевалъ* Сирийское Царство, а второй разрушилъ Иудейское, *разорилъ* храмъ Іерусалимскій и *отвелъ* всѣхъ Іудеевъ *въ плѣнъ*!! (Ч. I. с. 18).

—Идолопоклонство, говоритъ онъ, родилось въ Вавилонѣ, и отсюда (!!) распространилось во всю тогда извѣстную страну. (Ч. I. с. 34).

—Римляне превратили *Монархію въ республику* (?) (Ч. I. с. 54) а Ромуль-Августулъ, добровольно сложивши съ себя корону, *силѣ уничтожилъ политическое бытіе Западной Римской Имперіи!!!* (Ч. I. с. 94)

—Пунтескія войны *начались*, по мнѣнію *Г. Преображенскаго*, за то, что *Кароагенъ мѣшалъ* жителѣмъ города Мамерпа *производить морскіе разбои*, а Римляне за сіе вступились!! (Ч. I. с. 71).

—Отпѣздъ Петра Великаго въ чужіе краи объясняетъ онъ пакимъ образомъ:» осада Азова показала Петру всю необходимость во флотѣ; почему *онъ рѣшился самъ отправиться въ тузія Государства для образованія себя въ наукъ кораблестроенія!!!*» (Ч. III. с. 113.)

Довольно ли ?

Таблицы, приложенныя къ книгамъ, весьма не вѣрны; именно—въ первой таблицѣ II части Авторъ пишетъ, что въ VII столѣтіи вѣра Христіанская подавила въ Европѣ вѣру Магометанскую; между тѣмъ какъ сія послѣдняя въ VII столѣтіи еще не достигала до Европы. Въ послѣдней таблицѣ, приложенной къ Новой Исторіи, Авторъ говоритъ, что ордена Доминиканскій и Францисканскій основаны около 1200 года; но это также несправедливо.

Словомъ сказать: Г. Преображенскому невозможно никакъ вѣрить на слово въ его книгѣ, нельзя полагаться почти ни на одно изъ его сужденій. Написанное имъ *Сокращеніе Всеобщей Исторіи* представляетъ наборъ произшествій, безсвязно набросанныхъ. Прошедшее опъ настоящаго не оплвлено у него ни чѣмъ, кромѣ имени. Ни одного новаго свѣтлаго взгляда—кромѣ развѣ мрачнаго описанія хода болѣзни Холеры, копорую онъ первый еще заживо внесъ въ историческій свой помянникъ—не найдете вы въ цѣлыхъ прехъ томахъ. Какъ не пожалѣнь послѣ того объ участи учениковъ и ученицъ, кои должны будупъ имѣть несчастіе проходить Исторію по сокращенію оной, написанному Г. Преображенскимъ!...

Скоро ли настанетъ время, когда безплодныя усилія не пригошвленныхъ писателей перестанутъ обра-

щаться на произведенія собственныхъ сочиненій? Скоро ли у насъ появятся переводы историческихъ книгъ, заслуживающихъ полное одобреніе людей просвѣщенныхъ? Скоро ли настанетъ время, когда Исторіи не будутъ приписывать унижительнаго опредѣленія — *изложеніе достопамятныхъ происшествій*; когда большая часть учителей будутъ развивать въ юношества болѣе способности умственныя, нежели стануть налегать на память, съ ослабленіемъ которой человекъ, воспитанный такимъ образомъ, теряетъ свои познанія и дѣлается почти бесполезнымъ для общества по части ученой? Преподавать дѣтямъ начала какой-либо науки — весьма важное дѣло! Но, къ сожалѣнію, большая часть нашихъ ученыхъ почти не обращаетъ на то никакого вниманія а); а родители поручаютъ сіе важное дѣло людямъ совершенно невѣжественнымъ по сей части, такъ что дѣтямъ приходится послѣ снова проходить все заученное ими на память. (В. П.)

— *Бѣлецъ, повѣсть въ стихахъ. Соч. А. Вельмана. Москва, въ тип. А. Семенова, 1831.* — Судя по *Странику Г. Вельмана*, представляющему собой истинный диопирамбъ въ прозѣ, можно было предполагать въ изданномъ имъ *Бѣлецѣ* много поэзіи. Вышло совершенно прошивное. *Бѣлецъ*, не смотря на то, что называется *повѣстью въ стихахъ*, плывется вялою и медленною прозою.

Противорѣчіе сіе конечно спранны: но его объяснить весьма не трудно. Оно происходитъ изъ того,

а) Изъ сего должно исключить Г. Греча (Русск. Грам.), Г. Перевощикова (Мат. Энц.), Г. Погодина (перевведенія въ Исторію для дѣтей Шлецера).

что настоящее поколѣніе, воспитывающееся не въ древнемъ классическомъ православіи и благоговѣнномъ страхѣ Пивійскаго бога, расточаетъ благодатные дары природы безъ всякой разчетливости; точно такъ, какъ избалованные баричи проматываютъ богатое родишельское наслѣдство, достигающееся имъ въ руки, прежде нежели они научились управлять имъ. Не часто ли у сихъ послѣднихъ тысячи лопаются въ буракахъ и ракетахъ, а на домашнее отопленіе, въ прескучій морозъ, отпускается осиновый хворостъ, по аптекарскому разчисленію! Точно тоже бываетъ и съ большею частію липерапоровъ, не пріучившихся заблаговременно къ духовному домоупроиспительству. У нихъ невещественный капиталъ идетъ прахомъ; такъ что среди видимаго богатства оказывается внезапно крайняя бѣдность. То-же старинная Русская пословица: *береги денежку про третій день!*

Недостатокъ поэзіи въ *Бѣлечь Г. Вельмана* обнаруживается непозначностію или даже совершенною ничтожностію содержанія. Все дѣло въ томъ, что одинъ Донскій Казакъ, по имени *Леолитъ*, находясь въ невольничествѣ у одного Грека, влюбляется въ его дочь, по имени *Мирру*, и, желая спасти ее отъ кинжала одного ревниваго Турка, по имени *Алджид-Ара*, получаетъ отъ него чуму, которую передаетъ и своей любезной. Конечъ, по обычаю, трагическій: и онъ и она умираютъ! Мы нарочно поименовали здѣсь всѣ при дѣйствующія лица сей повѣсти: ибо ни по чему, кромѣ именъ, распознать не возможно; такъ слѣпо онъ очерченъ. Имя *Бѣлеча* принадлежитъ *Леолиту*; пошому что онъ, въ продолженіе шрехъ первыхъ спрочъ повѣсти, является *бѣгущимъ*.

невѣдомо—куда, и невѣдомо—опкуда. Рѣчь, которую Поэтъ влагаесть ему въ уста, передъ отважнымъ прыжкомъ въ Дунай, совершенно ничего не объясняетъ; и если бы Еврей *Караимъ* не открылъ опцу *Мирры*, что

Онъ Русскій; но свою Россію

На край Османовъ промѣнялъ (13)—

то едва бы не привелось счесть его за выходца съ того свѣта: такъ безцвѣтна его фizioномія и загадочно все, что ни говоритъ онъ самъ о себѣ. Спрашная, или лучше отврапительная сцена, коей оканчивается повѣсть, одна только имѣетъ нѣкоторый видъ дѣйствія; ибо все прочее—менѣе, чѣмъ разсказъ... менѣе, чѣмъ описаніе... просто—родъ стихотворнаго распространенія заданной темы, по прихотямъ разыгравшагося воображенія!..

Эта скудость содержанія ни сколько не вознаграждается формою. Вообще образъ изложенія сей повѣсти пуста, безцвѣтенъ и скученъ. Языкъ хопя и чистъ, но не имѣетъ живости поэтическаго колорита и даже весьма часто унежается до прозаической пошлости. Это ощущительно въ самыхъ первыхъ спорахъ;

Объ берегъ быстрого Дуная,

Набѣгомъ яростнымъ плеская,

Клочечъ, пѣнился волна;

На небѣ тучи; ночь черна,

Какъ *застарѣлый* мракъ шеницы.

Но нѣтъ ночной здѣсь тишины:

Здѣсь охраненіе границы

Протъ гонитъ тишину и сны. (1)

Иногда, правда, попадаются стихи удачные и выраженія счастливыя. Таковы н. п. слѣдующіе:

Длинна, какъ вѣчность, ночь несчастныхъ;
 Но все угрюмой темной
 Для нихъ милѣе дней прекрасныхъ,
 Согласнѣй съ мрачною душой! (18)

или :

Первоначально я любилъ
 Людей любовью беззаботной;
 Но долго ли я съ ними жилъ
 Безъ немощей, какъ духъ безплодной?
 О память! душу не волнуй!
 Вы не Іосифа ли братья?
 Какъ ваши пламенны объятія!
 Какъ нѣжень, сладокъ поцѣлуй!
 Слова любви въ устахъ готовы.
 Но вижу я злые ковы.... (14)

Здѣсь видно и чувство!.. Два посвященія, предшес-
 вующія повѣсти, доказываютъ тоже самое!..

Все это заспаиваетъ пожалуй, что Поэтъ не
 распорядился лучше своею охотою и способностію пи-
 сать. Но надѣяться, кажется, еще не поздно!..

— РАЗМЫШЛЕНІЯ О ВАЖНѢЙШИХЪ ИСПИНАХЪ РЕЛИГИИ,
 писанныя для наслѣднаго Принца Брауншвейгъ - Люна-
 бургскаго знаменитымъ Иерусалимомъ; переведены съ
 Нѣмецкаго Т. Крыловымъ. Изданіе третіе, вновь
 исправленное. Т. I, II, III, IV. С.П.Б. въ Тип.
 Экспед. Загот. Госуд. Бум. 1831. — Нашъ вѣкъ не
 славился особеннымъ приспращіемъ къ сочине-
 ніямъ, конхъ цѣль и достоинство состоятъ въ
 душеспасительной назидательности; и пошому сіе
 новое изданіе давно извѣстнаго перевода дав-
 но извѣстной книги, предпринимаемое конечно не
 для одного удовольствія доспавивъ работу пи-
 пографскимъ спанкамъ, заслуживаетъ вниманіе.
 Оно показываетъ, что *Размышленія Иерусалима*

не такъ еще состарѣлись для любителей благочестиваго чтенія, какъ угодно было провозгласить *Московскому Телеграфу*. Да и можешь ли состарѣваться достоинство истины? . . . Если образъ выраженія сихъ *Размышлений* весьма проситъ и спокоенъ, если не встрѣчается въ нихъ ни мистической глубины, ни экспансивческаго одушевленія—то это ни сколько еще не унижаетъ цѣны ихъ. Слово жизни, возвышаемое религіею, должно приниматьъ всѣ формы, дабы всюду прививалось свободно и безпрепятственно; должно обнажаться со всѣхъ сторонъ, предлагаться на всѣ тоны, выражаться всѣми языками, дабы сдѣлаться для всѣхъ внятнымъ и вразумительнымъ; должно *быть*—по Апостольскому выраженію — *всѣмъ вся, да вся пріобрѣтеть*. Въ *Размышленіяхъ Иерусалема* ему сообщена форма спрогой діалектической, послѣдовательности, подъ надзоромъ умствующаго *разсудка*, испощающаго всѣ свои усилія для того, чтобы, собственною властью, *пальнуть себя въ послуганіе вѣры*. Посему онъ оспанулся всегда важными и полезными для пѣхъ, въ конхъ раскрывшаяся дѣятельность мышленія, успѣвъ сознавъ свою силу, но не умѣя очерпить для ней должныя границы, претпыкается и соблазняется о тайнства вѣры, не доступныя для ся условій и законовъ. Правда, полемическій тонъ ихъ, вынужденный современными обстоятельствомъ, не имѣетъ всеобщности: онъ ограничивается преимущественно школою невѣрія, извѣснаго подъ именемъ *Философін* осьмнадцатаго вѣка, коей Ферней былъ-средопочіемъ. Но къ чести нашего вѣка должно сознаться, что безсмысленное и дерзкое кощунство, бывшее единственнымъ оружіемъ сей школы, тогда столь могущественной и ужасной, нынѣ совершенно

приступилось. Глумленіе *Вольтера*, пѣпившее нѣкогда легкомысленную суебность и опоздавшееся было во всѣхъ концахъ вселенной адскимъ хохотомъ, теперь возбуждаетъ одно жалкое презрѣніе. Но люди всегда люди; и для каждаго изъ насъ, въ ходъ духовнаго образованія, не избѣжны эпохи, подобныя роковому осьмнадцатому столѣтію, когда духъ пылливый мудрованія, раздраженный сознаниемъ раскрывшихся силъ своихъ, изъясняетъ неумѣстныя припязанія и заноситъ ничтожную пядь свою на измѣреніе безмѣрной пучины таинствъ, открываемыхъ взроку и преслѣдуемыхъ упованіемъ для насыщенія ненасытимой нашей любви къ безконечному. Тогда *Размысленія Иерусалима* могутъ служить для насъ спасительнымъ прибѣжищемъ! . . . Не дай Богъ никому имѣть въ нихъ насущной нужды: но благоразумная предусмотрительность пребудетъ, чтобы онѣ были всегда подъ рукою; точно шакъ какъ у рачительнаго и осипорожнаго хозяина всегда наготовѣ бывають лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней, хотябы онъ и все его семейство наслаждались совершеннымъ здоровьемъ. Ключъ не удивился послѣ того дерзости, съ которою *Московский Телеграфъ* произноситъ рѣшительные приговоры о вещахъ, кои очевидно въ предѣлахъ его разумія? Хотябы богословствованію отказался онъ по крайней мѣрѣ! Это уже совершенно не его дѣло! . . .

— осень 1830 года. *Лирико-Историческое пѣснопѣніе сѣлаго. Москва, въ Унив. Типографіи, 1831.*— Пѣснопѣніе сіе есть опголосокъ давно умолкнувшей лиры почтеннаго *Н. М. Шатрова*, коему поэзія наша обязана многими счастливыми переложеніями псал-

мовъ и другими достойными стихотвореніями. Оно есть плодъ ощущеній, смѣнявшихся въ душѣ старца въ годину бѣдствія, посвятившаго прошлою осенью древнюю Русскую столицу. Искры дарованія, не сохвѣвъ еще охладѣвшаго, озаряютъ сію лебединую пѣснь, коея вопль начало:

Не пировъ роскошныхъ сладость,
Прелесть душъ, восторгъ сердецъ,
Не торжествъ народныхъ радость
Здѣсь поетъ слѣпый пѣвецъ;
Онъ поетъ въ своей пещицѣ,
Не на свадебной цѣвницѣ,
Но на лирѣ гробовой,
Погребальными спрунами;
Надъ могильными холмами—
Пѣснь болѣзни моровой!...

Произведенія *Н. М. Шатрова* замѣчательны особенно потому, что онъ Русскія безпримѣсныя произведенія. Талантъ творца ихъ есть и талантъ собственно Русской, самородничи онъ развился и возросъ безъ всякаго пособія образованія. *Н. М. Шатровъ* не знаетъ даже никакого иностраннаго языка. Въ этомъ отношеніи весьма похвально намѣреніе Россійской Академіи издать полное собраніе всѣхъ его стихотвореній, какъ доказательствъ самопроизводительности Русскаго духа. Назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ, Дидешоръ, просилъ для рѣдкости перевести ему нѣсколько стиховъ изъ *Майкова*, также самороднаго Русскаго поэта, дабы видѣть, такою ли механизмъ мыслей и чувствованій у насъ сѣверныхъ Гиперборейцевъ, какъ и у прочихъ жителей земнаго шара. Нынѣ хопя челоувѣчество наше и не подвергается сомнѣнію: но все не худо изрѣдка напоминать объ немъ!

— *ESSAI SUR LA SCIENCE ET SUR LA FOI PHILOSOPHIQUE par F. Ancillon, Paris. 1830.* (Опытъ о философическомъ вѣдѣніи и о философической вѣрѣ, соч. Ансильона. Парижъ. 1830).—Симъ новымъ и прекраснымъ *Опытомъ* обязаны мы автору, знаменитому въ просвѣщенномъ мірѣ Эстетическими Разсужденіями, блистательной Карпиной послѣднихъ прехъ вѣковъ Европы и многими другими философическими и политическими Исследованиями, свѣтлыми и глубокими. Соединяя въ себѣ два противоположные, такъ сказать, спила Европейскаго образованія, *Ансильонъ* является, во всѣхъ своихъ опытахъ, почкою равновѣсія современныхъ ученій и потребностей. Не будучи предназначенъ творить новое въ области наукъ, онъ освѣщаетъ метафизическую глубину Германскаго ума свѣтомъ За-Рейнскаго воображенія и на сырую производительность перваго кладетъ печать спройнаго и живаго образованія, свойственнаго послѣднему. Въ отношеніи религіозномъ ученикъ и истолкователь Якобіа, въ началахъ политическихъ воспитанникъ и соручникъ великаго Монпескё, онъ низводитъ на свои творенія небесный свѣтъ идеальнаго одушевленія, умѣряемый тяжестію приложенія къ ограниченной дѣйствительности. Такое противоборство влекущихъ силъ, можетъ быть, содѣлываетъ шествіе его медленнымъ, тихимъ; но вмѣстѣ радушнымъ и привѣтливымъ ко всѣмъ современнымъ ученіямъ.

Доспиринство *Ансильона*, какъ политическаго писателя, зависить отъ окончательной развязки, какую предспавитъ борьба его съ стремительными началами Монпескё. Здѣсь не можетъ быть середины: рѣшительный ударъ долженъ окончить все. Кто не выдержитъ соперничества, тотъ низвергнется въ

прахъ и будетъ преданъ забвенію. Но, кажется, одна отважность всплунуть въ бой съ симъ великаномъ дѣлаетъ честь всякому предпріимцу.

Монтескѣ первый, въ изслѣдованіи политическаго организма народовъ, сбросилъ съ себя тяжелыя узы подражательности: но, облекшись въ доспѣхи современной философіи, явилъ себя спраннымъ врагомъ своего вѣка, погда какъ могъ быть цѣлитель его недуговъ. Его *Духъ Законовъ*, тяжелое двадцатилѣтнее бремя творца своего, въ слѣдъ за коимъ попянулись привидѣнія законовъ, отворилъ дверь ужаснымъ событіямъ. Изъ всѣхъ философовъ XVIII вѣка, одинъ Монтескѣ, въ спрогомъ смыслѣ, заслуживаетъ укоризну попомковъ, какъ спарець, не къ чести своихъ священныхъ сѣдиль, принявшій участіе въ гибельныхъ заблужденіяхъ обезумѣвшихъ современниковъ. Надъ нимъ тяготѣетъ кровь многихъ . . . многихъ жерпвъ. Онъ сдѣлался *Пилатомъ* XVIII столѣтія: ибо онъ-то вывелъ истину на ливоостротонъ изспупленной Европы и предалъ злодѣямъ на заушеніе. Такъ соразмѣрны были его ошибки великому его генію! Вся вина его состояла въ томъ, что онъ родился въ XVIII вѣкѣ, когда не лзя было зашѣять добра, не надѣлавъ вдвое зла. Сила генія неизмѣрима; и, можетъ быть, доживши до послѣднихъ плачевныхъ временъ, однимъ камнемъ завалилъ бы онъ жерло пропоргнувшей Эины. Но теперь, когда всѣ желанія и предположенія тщетны, невольно скажешь объ немъ: «за чѣмъ онъ не зарылъ въ земль всѣ свои десяти паланповъ?»

Бывъ краснорѣчивѣйшимъ апологиспомъ терпимости, Монтескѣ первый, можетъ быть, подалъ поводъ къ люпѣйшему философическому фанатизму. Его

Телеск. Ч. II.

37

начала и правила, относящіяся ко всѣмъ вѣкамъ, были подхвачены легкомысленными его соотечественниками и примѣнены къ пѣсному кругу современности. Раны, нанесенныя симъ соблазномъ разуму людей его вѣка, такъ злокачественны и упорны, что ихъ можно исцѣлить только крѣпкимъ противудіемъ—опчаяннымъ нигилизмомъ, въ коемъ, какъ въ безднѣ, гибнутъ ученія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Законъ пожества и безразличія равняетъ всѣ ученія, какъ бы ни были онѣ противоположны. Но на краю этой бездны, въ мироопворческомъ сіяніи, видѣтъ крошкѣй *Ансильонъ*, который бросаетъ соль здоровой критики на начала Монпескё, оппимаетъ опъ нихъ ѣдкую силу и хранитъ ихъ опъ поврежденія. Его сочиненія объ умѣреніи крайностей въ мнѣніяхъ, суть выраженія возвышеннаго предчувствія о всеобщности правъ человеческого разума, руководимаго высшимъ свѣтомъ религіи. Въ нихъ нѣтъ своенравныхъ формальныхъ дѣленій образа бытія народовъ: ни исключительныхъ началъ, ни исключительныхъ цѣлей. *Ансильонъ*, одушевляясь геніемъ Монпескё, указываетъ гражданскимъ обществамъ всеобщую цѣль и опъ временнаго бытія зоветъ на высоту религіознаго созерцанія и умиленія. Если Монпескё, взвышывая основанія политическихъ обществъ, разшаталъ ихъ: то *Ансильонъ* хочетъ напротивъ загладить всѣ шрешины на потрясенномъ зданіи Европы. Но здѣсь, спановаясь рядомъ съ Монпескё, онъ представляется далеко ему не равнымъ. Тогда какъ зрѣніе сего послѣдняго, дѣйствуя въ огромномъ размѣрѣ, проспиралось до опдаленнѣйшаго горизонта, *Ансильонъ* спѣсняется въ ограниченнѣйшій кругозоръ горами трудностей, для него недосыаемыхъ. Если сравнимъ ихъ въ самомъ шеспвѣ, то

и здѣсь примѣтнѣмъ, что глубокія бразды Монпескѣ не засыпаются обильными афоризмами *Ансильона*. Однимъ словомъ: если *Ансильонъ* благочестивѣе Монпескѣ, то Монпескѣ, къ несчастію истины, несравненно глубокомысленнѣе *Ансильона*.

Ансильонъ не сошелъ еще съ авторской сцены: однакожъ можно предсказать, что онъ оставитъ Монпескѣ по прежнему властвовать въ кругъ наукъ политическихъ. *Климаты* сего послѣдняго долго еще будутъ играть важную роль въ политическихъ теоріяхъ; и столь напрасно пользующійся уваженіемъ, пакъ называемый, смыслъ (*entendement*) еще долго будетъ держаться въ оковахъ чувственности чистое стремленіе духа человеческого. Желательно, чтобы сему властителю школъ и прибуналовъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ отъ философин, достойной царствовать на землѣ—отъ философин Якобисвой, копорой не много ступеней остается до святилища Христіанской Религій. Тогда царство суетумудреннаго смысла, а съ нимъ вмѣстѣ и политическаго эгоизма, должно прейти, и наступитъ царство религіознаго чувства. *Ансильонъ* не нанесъ еще сего удара и, можетъ быть, не будетъ имѣть на то силы. Онъ не великъ въ сравненіи съ Монпескѣ и не чудо для первоклассныхъ умовъ Германіи; но, разсматриваемый самъ въ себѣ, онъ достоинъ чтенія всей Европы, и тѣмъ болѣе насъ Русскихъ, не сведшихъ еще дружескаго знакомства ни съ категоріями Канна, ни съ попенціями Фихте.

Представляя счастливое равновѣсіе воображенія и чувства, ума и смысла, расщепливости и энтузіазма, *Ансильонъ*, можетъ быть, къ ущербу собственной славы, не обнаруживаетъ въ себѣ опредѣленнаго

авторскаго темпераменту. Немногіе люблять златую средину. Можесть быть, онъ перяесть много, предъ лицемъ ученаго нынѣшняго свѣта; онъ свѣтлости идей, онъ прозрачности символовъ, ихъ облекающихъ; ибо, каждый профанъ, заглядывающій въ него, видя дно, смѣло заключаетъ, что источникъ его мыслей не глубокъ. Но знающіе прозрачность Невскихъ водъ не увлекутся симъ оптическимъ обманомъ мнимаго мѣлководія.

Новый предложенный имъ *Опытъ* есть новое подтвержденіе сихъ общихъ положеній о духъ и характеръ его философствованія. Онъ состоитъ изъ *пяти* отдѣльныхъ спастей или разсужденій. Спастя *первая* содержитъ въ себѣ общее вспугленіе. Здѣсь *Ангильонъ* обзрѣваетъ главныя рѣшенія великой задачи Философін, кон были даваемы, другъ за другомъ, великими мыслителями всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Свои собственныя начала излагаетъ онъ въ слѣдующихъ *четырехъ* спастяхъ: о философической вѣрѣ, о философическомъ виденіи, о религіи и о нравственной свободѣ. Весь *Опытъ* заключается разсужденіемъ: о *стремленіи къ Безконечному*. Это болѣе прибавленіе, чѣмъ существенная часть всего сочиненія, которое представляеть въ себѣ внутреннюю органическую связь и цѣлость. Оно столь занимательно по своему изложенію, что Русскій переводъ его былъ бы драгоценнымъ подаркомъ для нашей скудной философической Литературы а).

Не пускаясь въ подробное изложеніе началъ и мнѣній автора, уже извѣстныхъ опчаспи изъ прежнихъ

а) Спастя сія переведена и напечатается въ слѣдующихъ книжкахъ *Телескопа*. Изд.

его сочинений, мы осмѣливаемся произнести о настоящемъ *Опытъ* его слѣдующее мнѣніе. *Введеніе* его превосходно, по ясному, точному и вѣрному изложенію новыхъ философическихъ системъ, и можетъ служить образцемъ философическаго красноречія. Въ самомъ началѣ уже видѣнъ духъ Автора, который примѣтно склоняется на сторону Платона. Слѣдующая о *философическомъ введеніи* вся посвящена на изысканіе началъ *введенія*—основанія, точки отправленія и конца философическихъ изысканій. Опроверженіе началъ ложныхъ въ семь отношеній—превосходно. Что жъ касается до его собственнаго начала, то оно, сперва будучи вѣрно, развивается въ послѣдствіи способомъ неудовлетворительнымъ и непонятнымъ. »*Сознаніе насъ самихъ* непосредственно соединено съ *сознаніемъ міра внѣшняго*« это правда: но какое отношеніе находится между *нами* и *міромъ внѣшнимъ*, между тѣмъ, что *я*, и тѣмъ, что *не я*? Такъ ли онѣ относятся другъ къ другу, какъ положительное къ отрицательному, какъ $+$ къ $-$? Если такъ, то отношеніе, которое должно быть между ними $= 0$: но, въ такомъ случаѣ, для чегожъ было опровергать Шеллинга, который, все многообразное приводитъ въ уравненіе, находить, что синтезисъ бытія, подобно уравненіямъ высшихъ численій, дѣлается $= 0$? Еслижъ *я* и *не я* относятся другъ къ другу, какъ положительное къ положительному, что, кажется, *Ансильонъ* и допускаетъ, что синтезисъ обихъ $= я$, то есть: міръ и человекъ, совокупно взятые, составляютъ конечное, цѣлое ограниченное, изъ котораго никакимъ образомъ не извлекается ни идея Безконечнаго, ни нравственная свобода, ни безсмертіе. Если то и другое отрицательно; то выйдетъ, что человекъ и міръ суть явленія, не имѣющія ничего положитель-

наго, ничего вещественнаго—и вошъ бездна скептицизма ! Оспавляя формальное опношеніе нашего *я* к *не я*, спросимъ, какой предикашъ можешъ имѣть *не я*, если ни положительный, ни отрицательный ! Чѣмъ можешъ бытъ опредѣлено *не я*, когда нѣтъ ничего извѣснаго въ актъ сознанія, кромѣ *я* ? Какимъ образомъ возможно опношеніе существенное, когда *я* и *не я* не имѣють ничего общаго, ничѣмъ прерпнымъ не соединяются ? Въ семъ случаѣ Канповъ идеализмъ неизбеженъ и міръ дѣлается x . Но пусть это будетъ приняпо: сей x пославивъ по одну, а наше *я* по другую сторону знака равенства, получимъ $x = я$; следовательно, міръ, сей хаосъ невидимый и неуспроенный, дѣлается извѣстнымъ во *мнѣ*, то есть : *я* субъективное, отражающееся въ семъ безвѣстномъ хаосѣ, зиждетъ весь чинъ мірозданія; и посему весь міръ извѣстный, успроенный, есть могущественное поспроеніе нашего *я*, или лучше, законы нашего *я*, раскинутые въ неизмѣримомъ вещественномъ пространствѣ и времени, вѣ насъ находящемся—вошъ Фихтшевъ транценденпализмъ ! Можно сказать, что проблема опношенія между *я* (субъектомъ) и *не я* (объектомъ) еще не повершена ; Шеллигово же рѣшеніе неизбежно по пону, заданному Канпомъ Философіи. И доколь не найдутъ для Философіи другой точки опправленія, кромѣ сознанія себя и міра, до тѣхъ поръ теорія абсолютнаго нуля будетъ играть важную роль въ ея обласни. По кто не чувствуетъ, что сія теорія ниспровергаетъ весь наши надежды, разрушаетъ весь умспвенные наши препараты?... Спавня *объ религии* содержишь въ себѣ много Платоническаго и радующаго душу. *Аксимонъ*, богашый чувствивпелъ-мспнью, по скудный формальными способиоспями,

бросилъ здѣсь свою любимую формулу сознанія и обратился къ другому возвышеннѣйшему началу. Это есть чувство нравственной свободы, и вмѣстѣ съ нею безсмертія и божественной личности. Такимъ образомъ, попавши въ свою стихію, въ океанъ безпредѣльнаго, воспорженно, на всѣхъ парусахъ, лепитъ онъ на воспокъ человѣческихъ надеждъ и радovaniй. Окрилемый крошкимъ вліаніемъ религіознаго вдохновенія, онъ созерцаетъ предъ собой океанъ бытія, освѣщаемый незаходимымъ солнцемъ Предвѣчнаго. Выспутивъ изъ своего сознанія, онъ совершенно перелетъ его въ поэтически-религіозномъ одушевленіи. Слѣдствіемъ сего должно быть заключеніе, что всякой мыслитель долженъ отправляться съ своей собственной точки споланія на землѣ, а не приковывать себя къ математическимъ формуламъ, которыя не для всѣхъ и не во время имѣющъ очевидность. Чувство нравственной свободы и упованіе безсмертія не должно связываться сими тяжкими узами щенепильнаго смысла. Пустъ математикъ необозримую вселенную измѣряетъ циркулемъ, поэтъ фанпазіей, философъ умомъ: но никто да не преграждаетъ человѣку обнимать еевсеобщимъ чувствомъ, Христіанину—вѣрой и упованіемъ! (О. М.)

VII.

АНГЛІЙСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ произведеній Англійской богатой чудесами промышленности сосnаляютъ Журналы. Правительство, не совсѣмъ расположенное къ сей, не въ одномъ только коммерче-

скомъ отношеніи , важной опрасли гражданской дѣятельности , спаралось всегда ослаблять ея силу , обременяя налогами. Но Англійская Журналистика выноситъ сіе опягощеніе съ изумительною твердостью; и не смопря ни на что , произведенія ея не только ежедневно умножаются , но и распространяются съ большею быстротою. Журналы плащящъ коронѣ пошлины $4\frac{1}{2}$ пенса за каждый листъ и 3 шиллинга 6 пенсовъ за каждое объявленіе; и между пѣмъ въ Лондонѣ существуетъ семь утреннихъ и шесть вечернихъ ежедневно появляющихся газетъ , множество выходящихъ три раза въ недѣлю и несмынное число еженедѣльных липературныхъ , полипическихъ и всякихъ баламушныхъ листковъ.

Изъ всѣхъ нихъ *Times* есть газета наиболѣе распространенная , пользующаяся обширнѣйшимъ уваженіемъ и издаваемая съ наибольшимъ искусствомъ. Газета сія основана книгопродавцемъ Вальперомъ , весьма умнымъ и дѣловымъ человекомъ , опцемъ нынѣшняго ея хозяина. Управление ея находится въ рукахъ Коммиссін , учрежденной хозяевами. Редакція поручена двумъ довѣреннымъ особамъ. Это люди весьма способные и образованные; впрочемъ они не имѣютъ въ липературномъ свѣпѣ никакого имени; и потому не нужно здѣсь называть ихъ. Одинъ изъ сихъ редакторовъ подчиненъ другому. Кромѣ того ; множество сотрудниковъ доставляютъ текущія спайны , каждый по своей часпи , - и получаютъ определенное жалованье. Строгое храненіе пайнтъ редакціи и значительная плата обезпечиваютъ для газетны правильное полученіе хорошихъ спашей; ея огромный капиталъ и щедрость на издержки доставляютъ ей опскудо дневныя новости со всевозможной скоростью,

а съ другой стороны, по причинѣ ея обширнаго вліянія и связей съ первыми государственными людьми, самыя вѣрныя политическія извѣстія приходять къ ней также очень скоро. Есть люди, которые ставятъ ей въ вину, что она очень переметчива и не имѣетъ никакихъ началъ; но въ этомъ очень ошибаются: ея начало есть поддержаніе своего бытія и она очень крѣпко за него держится. Листокъ этотъ есть чистая спекуляція; онъ не зависитъ ни отъ какихъ политическихъ партій; его единственная цѣль есть прибыль.

Отсюда не удивительно, что газета сія часто медлишь подавать свой голосъ; но когда наконецъ разрѣшаетъ сіе молчаніе, то раздражается громовыми ударами. Для вліянія Минисперскаго и даже для воли самой первой особы въ Королевствѣ, она глуха и неумолима; правительство не можетъ ничѣмъ подкупить ее. Во времена революціи, она всегда проповѣдывала войну съ Франціей, какъ во время республики, такъ и при Наполеонѣ; и языкъ ея въ семъ случаѣ отличался силою и спрасію. Не должно однако забывать, что она при семъ была не болѣе, какъ вѣрный органъ спраспей и мнѣній Англійскаго народа. Королева Каролина обязана была участію, съ коимъ газета сія вступилась за нее, тѣмъ, что неудовольствіе народа обнаружилось въ ея пользу; и, судя по погоданнымъ отношеніямъ, можно утвердительно сказать, что участіе сіе было искреннее и основывалось на внутренней увѣренности ея въ правотѣ дѣла, а не на корысти. Она защищала Минисперство Каннинга, и припомъ не только во время его жизни, но до самыхъ шѣхъ поръ, какъ кормило правленія перешло къ Герцугу Веллингтону. Но особенно была она орга-

номъ Лорда Ландсдоуна и Витовъ. Томасть Муръ, искренній другъ Ландсдоуна, считающійся сочинителемъ многихъ прозаическихъ и поэтическихъ статей, помѣщавшихся въ *Times*, кажется, былъ посредникомъ этого союза.

Изданіе сей газетъ колеблется между шестью и семью тысячами экземпляровъ; впрочемъ прибыль Английскихъ газетъ зависитъ не столько отъ числа подписчиковъ, сколько отъ объявленій, въ нихъ помѣщаемыхъ. Издержки упренней газетъ неимоверны, разумѣя однѣ только издержки редакціи, не считая бумаги, набора и печати. Кромѣ двухъ главныхъ редакторовъ и обыкновенныхъ соудружковъ, кои всѣ получаютъ большее жалованье, *Times* имѣетъ при себѣ отъ двенадцати до четырнадцати редакторовъ Парламентскихъ рѣчей и преній, коимъ платится ежемѣсячно по двадцати гиней. И дѣйствительно они заслуживаютъ такую плату; ибо должны быть не только люди образованные и коротко знакомые съ Парламентскими дѣлами, но еще имѣть особенныя качества, которыя приобрѣтаются только долговременнымъ упражненіемъ и навыкомъ. Имъ надобно умѣть поспѣвать за быстрымъ потокомъ мыслей инаго рьянаго говоруна и извлекать одно существенное изъ запутаныхъ рѣчей другаго широкоушатаго краснбая; они должны имѣть навыкъ писать бѣгло и припомѣть различными стилими, дабы выражать прилично характеръ каждаго изъ говорящихъ. Иному покажется странно, что въ Лондонѣ часно стараются унижать талантъ и званіе подобнаго редактора; это происходитъ весьма естественнo отъ двухъ причинъ: вопервыхъ отъ тайнаго недоброжелательства къ ихъ талантамъ и вліянію; во вто-

рыхъ же отъ того , что многіе добряки , любящіе побесѣдовать виутри и виъ Парламентѣ , чувствуютъ себя оскорбленнымъ , если рѣчи ихъ не найдутъ никакой милосіи предъ лицомъ редактора и онъ будетъ имѣть дерзость подумать , что не стоить труда докучать ими публикѣ. Члены Англійскаго Парламента съ перваго взгляда отличаются отъ Французскихъ Депутатовъ. Народные ораторы , коихъ рѣчи читаются въ Журналахъ , съ наиспрожайшею точностію , во всю длину свою , поступаютъ такъ , какъ будто бы совсѣмъ не думали о сценеграфахъ и какъ будто для нихъ не имѣетъ никакой важности то , будутъ ли ихъ рѣчи переданы публикѣ , или нѣтъ ; но это не что иное , какъ смѣшное припворсво. Членъ Парламента , который , по утру за чаемъ , находясь заключеннымъ въ пяти спркахъ то , о чемъ онъ въ прошедшую ночь говорилъ длинную рѣчь цѣлые два часа , заслуживаетъ гораздо болѣе извиненія , если обвиняетъ Журналъ въ недоброхотствѣ и приспрасіи , чѣмъ народный Ораторъ , который бываетъ обязанъ своею славою и вліяніемъ столько же газетамъ , сколько собственному своему таланту. Поведеніе Нижней Палаты въ семъ отношеніи представляетъ удивительное противорѣчіе очевидности и здравому смыслу. Въ силу стародавнаго постановленія , считающаго оскорбленіемъ Палаты , если пренія ея будутъ обнародованы ; и посему , дабы сіе постановление и доисполнѣно Палаты оспавались неприкосновенными , сценеграфы не признаются ею формально въ семъ качествѣ , а какъ будто периялись только по снисхожденію , такъ что должны бывать исполнять свое трудное и важное дѣло , съ величайшимъ неудобствомъ , въ нѣспотѣ , посреди толпы , наполняющей небольшое про-

справство, предоставляемое публикѣ. Шарлатанство и кокетство палаты на эпопѣ счесть жалко до высочайшей степени. Если какой нибудь членъ намекаетъ на присущіе стенографовъ или публики, то Орапоръ останавливаетъ его немедленно, говоря: »Палата при своихъ разсужденіяхъ не знаетъ ничего о присутствіи постороннихъ.« Но если будетъ замѣчено, что редакторъ или другій посторонній садится на первомъ ряду скамеекъ въ публичной галлерей, чтобы записывать; то Орапоръ, съ пренельпою важностію, приказываетъ швейцару, приведши въ порядокъ галлерей. Такое глупое припворство достойно ли собранія мудрыхъ мужей? Но это все входитъ въ систему шарлатанства, которая весьма распространена въ Англіи, подъ именемъ *канта* (cant). Эпопѣ *кантъ* существуетъ не только въ Парламентѣ, но и во всей націи; онъ бываетъ: *кантъ* религіозный, *кантъ* нравственный, *кантъ* свободы и п. д. Можно еще указать другое основаніе, по которому Палата отказывается такъ упорно признавать существованіе стенографовъ и дать имъ хопя малѣйшую удобность для исправленія своего дѣла; это—тайная ненависть привилегированныхъ людей къ свободѣ періодическаго книгопечатанія и ея могущественному вліянію, для которой *кантъ* привилегіи парламентской служить только предлогомъ. Кромѣ сихъ редакторовъ, есть еще другой обширнѣйшій классъ сотрудниковъ для журналовъ. Именно, отъ семидесяти до ста лицъ употребляется на собраніе извѣстій о дѣлахъ, производящихся въ Управахъ Благочинія и на Связныхъ Домахъ о пресупленіяхъ и несчастныхъ случаяхъ, коротко сказать: о всемъ, что случается необычайнаго въ ежедневной жизни, о всемъ, что можно преувеличить, изу-

красить, нарядить въ спрашную одежду, сообразно національному вкусу чудака *Джона Булля*. а). Ничпо не ускользаетъ отъ нихъ; это настоящіе Аргусы; иногда, если время слишкомъ тонце на приключенія, они прибѣгаютъ къ помощи своего воображенія, чтобы поставитъ требующееся количество смертоубійствъ, самоубійствъ, кражъ и пожаровъ; но спрашная извѣстность—что, ежели, паче чаянія, проказы ихъ обнаружатся и они будутъ изобличены во лжи, доверенность къ нимъ должна погибнуть на вѣки—обуздываетъ ихъ изобрѣтательность и содержишь въ приличныхъ границахъ. Такъ-то соснавляется эта огромная масса спрашныхъ и чудныхъ исторій, полуистинныхъ и полужеланныхъ, коими Англійскіе публичные листы пѣшаютъ лакомство *Джона Булля*. Само собою разумѣется, что все это относится не къ одному *Times*, а ко всѣмъ газетамъ, изъ которыхъ переберемъ еще въ-которыхъ.

Morning-Chronicle была долгое время органомъ Вигговъ и главнымъ магазиномъ ихъ мнѣній или даже всего духа ихъ партіи. Если въ Брукс-Клубѣ или у Лорда Голланда выранивалось какое нибудь острое слово, какая нибудь ѣдкая, острая эпиграмма, то на другой день всякой навѣрное могъ читать ее въ *Morning-Chronicle*. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, Перрей былъ ея издателемъ и хозяиномъ. Человѣкъ этотъ, совершенный пепимешръ по своей фигурѣ и ухваткамъ, жилъ въ сердечной увѣренности о себѣ, что онъ полиптикъ и ученый перваго ранга, сколь ни мало значило въ самомъ дѣлѣ его образованіе. Между тѣмъ газета сія, во время Перрея, была издаваема всегда со вкусомъ, умненьемъ и строгою полиптической единослѣдственностію.

(*) Народное прозвище Англійскаго народа.

Теперь редакторомъ ея Докторъ Блакъ, человекъ съ большими талантами и обширными свѣдѣніями, но настоящій Шотландскій Философъ, у котораго доста-
етъ смысла только на одну вещь, именно на государ-
ственное хозяйство. И дѣйствительно всѣ статьи
его о семъ предметѣ весьма удачны. Между тѣмъ, не
для однихъ только Политическихъ Экономовъ, но
также для Ресурсовъ и Философовъ *Morning-
Chronicle* служитъ мѣстомъ боя. Злоупотребленія въ
дѣлахъ Церковныхъ; корыстолюбіе и любоначаліе, въ
конхъ духовные господствующей Церкви и какъ свя-
щеннослужители и какъ граждане; часто оказывающіяся
виновными, спародавнее варварство Англійскаго
Законоустройства, варварство, коимъ каждый пяго-
тился, но котораго никто не отваживается спрах-
нуть по расчетамъ своскорыстія; смѣшное ошвраще-
ніе отъ всего поваго; ложная мудрость, превознося-
щая опытъ и рабствующая предъ авторитетомъ,
все же умозрѣнія провозглашающая нелѣпыми
химерами; та пиранская власть предразсудковъ, о
которую спотыкаешься на каждомъ шагѣ въ Англіи;
капитъ во всѣхъ своихъ формахъ; всѣ злоупотребленія,
все заблужденія, все спранныости — преслѣдуемая въ
ней безъ умолку и не рѣдко съ талантомъ и безъ
всякаго предубѣжденія; но не въ Лондонскомъ публич-
номъ листкѣ должно искать основательныхъ рассу-
жденій о подобныхъ вещахъ; по крайней мѣрѣ онѣ изла-
гаются здѣсь всегда гораздо легче и какъ можно бо-
лье народнымъ спилемъ. Теперь *Morning-Chronicle*
уже не есть органъ Виговъ; если она выражается
иногда съ силою, то это принадлежитъ чисто одному
Доктору Блаку; а онъ ни какой партіи. Напрасно
стали бы искать теперь въ ней прежнихъ колкихъ

выходокъ, остроумныхъ шутокъ въ стихахъ и прозѣ; забавнаго передразниванья обычаевъ и нарѣчія гостинныхъ. Но это еще не самое худшее: кромѣ вышеупомянутыхъ длинныхъ снашей, Докторъ Блэкъ, кажется, ни о чемъ не заботится; и потому газетасія наполняется обыкновенно самыми пошлыми пустяками, описаніями преступленій, въ конхъ ужасъ восходитъ до омерзѣнія, отвратительными кулачными боями, правленіи собакъ, обезьянъ, пѣтуховъ и крысъ; коротко сказать, всѣми тѣми вещами, которыя тѣшатъ самую низкую чернь; и сіи, скандальныя сцены представляють не рѣдко въ лицахъ, приложеніемъ лубочныхъ картинокъ, кои вполне достойны своихъ предметовъ. Сверхъ того, ни въ одномъ публичномъ листкѣ не находится въ большемъ количествѣ безстыдныхъ похвалъ, которыя шарлапаны всѣхъ родовъ, спекулянты, аукционеры, зубные лѣкаря, театральные Директоры, и имъ подобные, обыкновенно помыкають о себѣ въ газетахъ. Только въ одномъ отношеніи, и припомъ весьма важномъ, *Morning-Chronicle* сохраняетъ свою прежнюю высокую славу, и именно—въ извѣстіяхъ о Парламентскихъ преніяхъ. Здѣсь она достойно состязается съ *Times*: проворство редакціи, скорость набора и художественное достоинство механизма печати, въ обихъ, доведены до равно удивительной степени совершенства.

Опредѣливъ, какой цѣль и характеръ имѣеть газетса, называсяя *Morning-Herald*, едва ли возможно. Она, точно также какъ и *Times*, есть чистая спекуляція; только изданіе ея производится съ меньшею осмотрительностью. Равномѣрно независима она отъ всякаго вліянія паршій и правительствъ и хлопочить только о благосклонности публики; но

эту публику составляет для ней самая низшая толпа, къ коей одной и спарается она поддѣщаться. *Times* имѣетъ свою систему и свои собственныя мнѣнія; *Morning-Herald* не имѣетъ напротивъ ни того, ни другого: его столбцы открыты безпрепятственно и Торисамъ и Вигамъ, и Радикаламъ и Оранжешамъ, и Протестантамъ и Каполикамъ; онъ столько безпристрастенъ, сколько можетъ быть таковымъ чистый спекулянтъ и барышникъ. Опычительный характеръ сего листка есть открытое, безъ всякихъ фасоновъ, невѣжество. Если слушать его, то образованіе есть не болѣе, какъ потеря времени и денегъ, а чтеніе—дурная привычка, которая забываетъ голову и дѣлаетъ неспособною къ дѣлу. Многія статьи его о политикѣ, литературѣ и искусствахъ, представляющія такое необыкновенное смѣшеніе грубѣйшаго невѣжества и естественнаго смысла и остроумія, что на нихъ нельзя довольно надвинуться. Подобно *Morning-Chronicle*, онъ поставляетъ аккуратно слѣдующее количество покражъ, смертоубійствъ, кулачныхъ боевъ и другихъ подобныхъ приключеній, занимаетъ своихъ читателей самыми вѣрными, точными и замысловатыми изображеніями преступленій, рѣчей и характера воровъ и подозрительныхъ женщинъ, являющихся въ Управѣхъ Благочинія. Подлѣ сихъ оштрафованныхъ или забавныхъ фигуръ, красующихся описанія пирушекъ, народныхъ сборищъ, баловъ, городскія сплетни о дворѣ и изъ моднаго круга, въ поржественномъ, высокопарномъ стилѣ хроникъ. *Morning-Herald* имѣетъ у себя очень много подписчиковъ: болѣе чѣмъ *Morning-Chronicle*, но гораздо менѣе, чѣмъ *Times*; зато весьма твердая и надежная спекуляція. Сколь ни часто упрекаютъ его въ безвкусицу, невѣжество и проство-

рѣчійхъ, и сколь это ни очевидно въ самомъ дѣлѣ, онъ идетъ смѣло на проломъ, вопреки всему. Чернь находишь въ немъ сытную пищу, по своему вкусу и желудку; да и люди высшаго состоянія заглядываютъ иногда въ него почто также, какъ заходятъ въ балаганъ на рынокъ, или смошрянь, какъ задаютъ кормъ льву.

Изъ упрененныхъ газетъ упомянемъ еще о *Morning-Post*. Она сражается съ слѣпою и часто смѣшною запальчивостію, но за то съ послѣдовательностію и увѣренностію, за Торисовъ и за школу Питта. Ее читаютъ преимущественно, какъ Модный Журналъ; и она имѣетъ особенную прелесть для людей полуобразованныхъ, выперсующихся всѣмъ пѣмъ, что дѣлается въ гостинныхъ и въ переднихъ, между камердинерами, лаксеями и горничными Англійскаго дворянства.

Между газетами вечерними преимущественное вниманіе обращаетъ на себя *Courier*. Въ отношеніи къ независимости и достовѣрности, сія газета пользуется не совсѣмъ доброю славою. Въ продолженіе двадцати шести лѣтъ, она была полуофициальною газетою Двора и Министерства и посему слыла естественнымъ органомъ Правительства. Ея не слишкомъ чистая добросовѣстность, зависящая ни по опъ людей, ни по опъ обстоятельствъ, и подозрѣніе, что она предана биржевымъ спекуляціямъ, съ самаго начала подвергли предосужденію нравственный ея характеръ. Но свой истинный цвѣтъ получила она опъ перваго своего редактора Сприа. Это былъ чело-вѣкъ, сотворенный для того, чтооь быть издателемъ придворной газеты; изъ за споловъ вельможъ приносилъ онъ домой важныя мины; умѣлъ давать всему пріятный видъ; и масперски владѣлъ кривымъ,

подслащеннымъ языкомъ, когда рѣчь шла о Духовенствѣ, Лордахъ и Придворномъ Чиновначаліи. Впрочемъ листокъ сей при немъ писанъ былъ живо, остроумно, затѣливо, и какъ Лейб-Журналь Министерства, имѣлъ по важное преимущество, что получалъ новоспи, скорыя и свѣжія, изъ самаго источника, почему и имѣлъ великое множество подписчиковъ. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, Спришъ удаленъ отъ редакціи *Courier* и Мюдфордъ, человекъ съ опличными палантами, принялъ ее на себя, не измѣнивъ однако ни сколько духа газеты. *Courier* оспался, какъ и прежде, весьма остроумнымъ и не очень добросовѣстнымъ; по прежнему продолжалъ терѣться вокругъ лицъ, оспаваясь при спарой привычкѣ — сражаться шулками вмѣсто доводовъ, и осмѣивать своихъ прошивниковъ, вмѣсто того, чтобы опровергать ихъ; по прежнему клалъ земные поклоны передъ примѣрнымъ благочестіемъ Епископовъ Англичанской церкви и передъ цѣпорочною чистотою Архиепископатіи и Министерства; но между тѣмъ сдѣлался гораздо остроумнѣе и принялъ лучшій тонъ, обнаруживалъ не рѣдко виды испинно свободные и благонамѣренные, обсуживалъ отношенія справедливыя и съ высшей точки зрѣнія; и, какъ скоро духъ партіи и политика не вмѣшивались въ дѣло, его личности были замысловатыя и удачныя, оспрошныя тонѣ. Когда Каннингъ принялъ кормило правленія и произошелъ расколъ между нимъ и шоварищами его изъ партіи Торисовъ, *Courier* увидѣлъ себя тѣмъ въ большемъ замѣшательствѣ, что надлежало ему рѣшиться немедленно между тою или другою стороною. Мюдфордъ спалъ за Каннинга; это оскорбило Торисовъ, которые опдѣлялись отъ него; и, когда при Веллингтонѣ кормило перешло опять къ нимъ въ руки, Герцогъ не поза-

былъ отплатить за то: онъ настаивалъ, чтобы Мюдфордъ отказался отъ редакціи и уступилъ мѣсто о-платѣ Сприггу, поставивъ это непремѣннымъ условіемъ, если *Courier* хотѣлъ сохранить покровитель-ство Министрства.

Вечерняя газета *Globe* издается по началамъ либе-ральнымъ и очень много расходится. Она занимается преимущественно внутренними государственными дѣ-лами, именно финансами и сельскимъ хозяйствомъ. Къ чести ея должно сказать, что она проложила себѣ до-рогу, безъ всякаго шарлатанства и пронырства, од-нимъ поспѣшествомъ, дѣятельностію и разсудитель-ностію.

Въ воскресные дни, по утрамъ, Лондонъ навод-няется недѣльными Журналами. Изъ нихъ нѣкоторые, весьма однако не многіе, какъ Апеней, издаются со вкусомъ и талантомъ; но вообще это болѣзненные на-росты Англійской Журналистики. Всѣ почти они не что иное, какъ самая пошлая спекуляція, основываю-щая свои виды и расчеты на спраслахъ самыхъ низ-кихъ. Оповѣстившими издавателями или именными хо-зяевами ихъ обыкновенно бываютъ соломенные чуче-лы, бѣдняки безъ имени и совѣсти, подрядившіеся еже-мѣсячно или ежегодно клясться и присягать, что они настоящіе хозяева журнала, и добровольно позволяю-щіе публикѣ показывать себя, а судамъ запираить въ шкору-му, между тѣмъ какъ истинные хозяева и редакторы оспаютъя неизвѣстными. У дверей ихъ стоятъ ящи-ки, которые, подобно львиной пастѣ въ Венеціи, принимаютъ безымянные извѣсты и объявленія.

Лондонская Журналистика есть гигантская спеку-ляція, расходующая богатыми сокровищами ума, зани-мающая множество рукъ и vorочающая безмѣрными

капиталами. Если подумать, что спекуляция составляет ее жизненное начало, то просвѣщеніе выигрывало бы чрезъ нее очень мало: но это будетъ весьма большая ошибка. Одна часть публичныхъ листовъ говоритъ постоянно здравому человеческому смыслу, общему естественному чувству націи; другая неоспоримо барышничаетъ на счетъ народныхъ и религіозныхъ предразсудковъ: но слишкомъ горько бы было подумать, что умъ, истина, законность и человечество не одержатъ наконецъ победы. Собственно политическія матеріи, все, что касается до законоустройства, юстиціи, хода исполнительной власти, излагается въ главнѣйшихъ газетахъ съ талантомъ, но совершенно практически, то есть, съ большою заботливостію о содержаніи, чѣмъ о силѣ: это совсѣмъ не разсужденія полныя и связныя; а потому всѣ журнальныя замѣтки на это счетъ не бываютъ ни обширны, ни искусно обработаны. Литературныя статьи, помещаемыя въ газетахъ, еще менѣе таковы; и вообще литература представляется большою частію ежемѣсячнымъ и прехмѣсячнымъ періодическимъ изданіямъ. Объ изящныхъ искусствахъ онѣ совсѣмъ не радятъ или говорятъ безъ всякаго знанія дѣла; изъ этого бываютъ конечно исключенія, но вообще это совершенно справедливо. Извѣстія о драматическихъ представленіяхъ въ нихъ помещаются; что сіи извѣстія весьма часто бываютъ неудачны, это легко понять, если подумать, что въ нихъ надобно бываетъ о представленіи, оканчивающемся въ 11 часовъ вечера, сказать что-нибудь такое, чего читатели станутъ искать и должны найти въ газетѣ по утру въ 6 часовъ, или еще ранѣе. Эта поспѣшность однако имѣетъ свои выгоды, поочто плакъ, какъ и невы-

годы; спатья пишется, пока впечатлѣніе еще совершенно свѣжо; и рецензентъ, имѣя очень мало времени, по неволѣ долженъ приниматься шопчасъ за дѣло и не оспанавливаться на общихъ мѣсплахъ и ничтожныхъ мѣлочахъ, которыя въ другомъ случаѣ весьма легко подвертываются ему подъ перо. Отсюда не рѣдко случается, что эти спалейки, набросанныя на скорую руку, весьма удаются и бывають очень хорошо написаны. Ж. В.

VIII.

НОВОСТИ НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— ПЕРЕВОДЪ СТИХОТВОРЕНІЯ КОЗЛОВА НА АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ ТОМАСОМЪ МУРОМЪ. — Въ нынѣшнее десятилѣтіе преимущественно оказывается готовность иностранцевъ усвоивать себѣ произведенія нашихъ писателей, коими по справедливости мы гордимся. Исторія Государства Россійскаго переведена съ легкостью для насъ поспѣшностію на многіе Европейскіе языки въ Венеціи — не говоря о ближайшихъ образованныхъ народахъ — она напечатана 1820 года, въ переводѣ Москини, черезъ два года послѣ появленія первыхъ шомовъ ея въ Россіи. Не спанемъ говорить о Русской Анеологіи Сен-Мора, гдѣ онъ нещадно исковеркалъ самыя лучшіе и блистательнѣйшіе цѣпы нашего Парнасса. Нѣмцы много и хорошо перевели съ Русскаго и

въ прозѣ и въ стихахъ цѣлыми сочиненіями; это ближайшіе предшавители Европѣ нашего образованія. Боурингъ вѣрно передалъ на Англійскій языкъ со вкусомъ избранныя стихопворенія нашихъ Поэтовъ; но Т. Муръ, пѣвецъ Лалла-Руки, еще тѣснѣ соединилъ союзъ нашихъ Музъ съ Музами Альбіона, освѣтивъ будущіе пруды своихъ единомысленцевъ собственнымъ переводомъ нѣкоторыхъ стихопвореній Русскихъ, въ числѣ коихъ съ удовольствіемъ находимъ переводъ (хотя и несовершенно вѣрный) *Вечерняго Звона* И. И. Козлова, какъ бы въ дань благодарности за прекрасное усвоеніе имъ нашей Литературы его *Бессонницы*, *Романса* и нѣкоторыхъ *Ирландскихъ Мелодій* Англійскаго Анакреона. Сии переводы помѣщены въ послѣднемъ Парижскомъ изданіи всѣхъ сочиненій Т. Мура (а). Для насъ, Русскихъ лестно такое вниманіе—и чье же?—Поэма, знаменитая во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ свѣта; и это тѣмъ пріятнѣе, что мы видимъ двухъ поэтовъ, взаимно усваивающихъ своимъ родинамъ произведенія другъ друга. Для особъ, знакомыхъ съ Англійскимъ языкомъ, представляемъ здѣсь переводъ *Вечерняго Звона*—сего стихопворенія, которое дышитъ тихою горестью слыща ясно—видящаго. Вотъ онъ:

Those evening bells! those evening bells!
 How many a tale their music tells,
 Of youth, and home, and that nocet time,
 When last I heard their soothing chime!

(*) Complete works of Th. Moore, in one vol. published by Galignani. Paris, 1829.

Those joyous hours are past away !
And many a heart that then was gay
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells !

And so't will be when I am gone ,
That tunefyl peal will still ring on ,
While other bards shall walk these dells ,
And sing your praise , sweet evening bells !

Для сличенія выписываемъ сюда же подлинникъ :

Вечерній звонъ, вечерній звонъ !
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ опѣй домъ:
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ проспаясь,
Тамъ слушала звонъ въ послѣдній разъ !

Уже не зрѣшь мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперъ въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ !
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой !
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долину вѣтеръ разнесетъ ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣшь вечерній звонъ.

Читатели видятъ, что Муръ изъ *сестовъ* (шестероспишій) сдѣлалъ *кварти* (четвероспишій), и пѣтъ ослабилъ прелесть подлинника , хотя и сохранилъ смыслъ его. Но, не смотря на это, какъ хорошо имъ

выражена основная мысль, проникающая всю Элегию. Некоторые стихи переведены весьма верно, на прим:

And many a heart that then was gay
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells!

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ!

— упадокъ театровъ въ Англии. — Въ продолженіе послѣднихъ тридцати шести лѣтъ, бывшихъ свидѣтелями славы *Вальтера Скотта*, *Лорда Байрона*, *Сутъя*, *Кампбелля*, *Колериджа*, театръ Англійскій не произвелъ болѣе девяти порядочныхъ драматическихъ піесъ. *Тащи соху* и *Лькарство отъ есдетныхъ недуговъ*, Морптона; *Наслѣдникъ*, *Колесо Счастья* и *Желтый Судукъ*, Кольмана; *Брутъ*, Говарда Пейша; *Виргиній*, Кнауля; и *Бертрамъ*, Мапурина — вотъ единственные піесы, заслуживающія бытъ замѣченными.

Театры нынѣ пустуютъ: музыка, чтеніе, искусства, составляющія наслажденіе хорошаго общества. Напрасно Лондонское народонаселеніе ежедневно возрастаетъ; народонаселеніе театровъ безпрестанно уменьшается. Всѣ находятъ, что гораздо пріятнѣе у себя дома чипать какое-нибудь Ревюе, чѣмъ выходить со двора, мѣнять часть своего обѣда, толочься вмѣстѣ съ наглой и неопрятной толпой, подвергаться плутовству мошенниковъ, спалкиваться съ позорными женщинами, наполняющими обыкновенно коридоры Англійскихъ спектаклей, для того, чтобы

имѣть удовольствіе слушать декламацию плохихъ актеровъ и видѣть панораму блестящихъ декораций, годныхъ для забавы дышей. Это опчаянное положеніе Англійскихъ театровъ было недавно предметомъ юридическаго изслѣдованія, подъ надзоромъ Великаго Канцлера Бруттама, которое однако не имѣло никакого удовлетворительнаго слѣдствія. Вкусъ публики измѣнился: директоры театровъ разоряются одинъ послѣ другаго; ихъ поочередныя банкротства показываютъ весьма явно невозможность возстановить драматическое искусство изъ глубокаго уничиженія, въ которое оно поверглось.

Во Франціи, напротивъ, если директоры театровъ не болѣе счастливы, чѣмъ въ Лондонѣ, то они должны приписывать свое несчастіе не столько перемѣнчивости вкуса публики, сколько слишкомъ поспѣшному учрежденію новыхъ драматическихъ заведеній и чрезмѣрному жалованію, котораго требуютъ актеры. Ибо сумма доходовъ съ театровъ Парижскихъ, вмѣсто того чтобы уменьшаться, напротивъ безпрестанно возрастаетъ: въ 1815 она простиралась до 5,060,000 фр.; а въ 1828 возвысилась до 6,441,000 фр. Но поелику учрежденіе новыхъ театровъ естественнѣе должно было раздѣлить сіи доходы, по сему не удивительно, что доля, которая теперь достается на часъ каждому изъ нихъ, не достаточна для покрытія ихъ относительныхъ издержекъ.

Вотъ любопытная сравнительная статистическая таблица доходовъ, полученныхъ различными Парижскими театрами, въ 1815 и 1828 годахъ:

ИМЕНА ТЕАТРОВЪ.	ДОХОДЫ 1815	ДОХОДЫ 1828.
1. КОРОЛ. АКАДЕ- МІЯ МУЗЫКИ.	ф. с. 714,252 19	ф. с. 648,967 04
2. ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ. . .	861,488 43	594,147 07
3. КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА. . .	716,743 39	551,043 02
4. ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА. . .	184,848 75	
5. ТЕАТРЪ ИТА- ЛІАНСКІЙ И АНГЛІЙСКІЙ. .	175,902 01	700,246 47 197,713 .
6. ОДЕОНЪ. . .	321,785 .	451,896 61
7. ТЕАТРЪ ВОДЕ- ВИЛЕЙ. . .		787,139 76
8. ТЕАТРЪ КО- РОЛЕВЫ. . .		376,201 98
9. ТЕАТРЪ НО- ВОСТЕЙ. . .	661,917 52	477,521 .
10. ТЕАТРЪ ВСЯ- КОЙ ВСЯЧИНЫ	342,509 42	448,393 99
11. ТЕАТРЪ ВЕ- СЕЛОСТИ. . .	363,040 16	242,976 91
12. ТЕАТРЪ КО- МИЧЕСКОЙ ДВУ- СМЫСЛЕННОСТИ	502,838 13	349,854 78
13. ТЕАТРЪ У СЕН- МАРШЕНСКИХЪ ВОРОШЪ. . .	218,788 36	615,180 96
14. ОЛИМПІЙСКІЙ ЦИРКЪ. . .	5,065,111 34	6,441,282 53
И ТОГО. .		

IX.

КАРРИКАТУРЫ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

МОСКОВСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ. а)

XX

А между тѣмъ совѣтъ ученый
 Всѣ ждетъ; и ужъ согласенъ въ помѣ,
 Что нынѣ опасности въ больномъ.
 Предъ ними столъ, накрытъ зеленымъ,
 Въ среднѣхъ блюдо съ пирогомъ.
 Тамъ фаршъ съ селедкою солѣной;
 Тупъ масло, водка, сыръ; икра,
 И хлѣба чуть что не гора.
 Они кругомъ пообходили,
 Поосмотрѣли, что тупъ есть;
 Единогласно присудили
 Анапомировать и съѣсть.
 II тѣжъ ихъ жалобы земныя:
 Топъ тѣмъ, шопъ эпимъ нездоровъ.
 Ужъ видно свѣтъ пеперь шаковъ:
 Всѣ доктора у насъ больные,
 И всѣ данписны безъ зубовъ.

-
- а) Первая глава сей поэмы или повѣсти въ стихахъ, сочиненной *Г. Ивелевымъ*, печатается и немедленно выйдетъ въ свѣтъ. Изъ предлагаемыхъ отрывковъ можно видѣть, что *Г. Ивелевъ* не достаеиъ только знаменитаго имени, дабы поэма его, во всѣхъ отношеніяхъ, сравнилась съ знаменитѣйшими произведеніями нашей новѣйшей эпопеи. *Изд.*

XXII

Вотъ видѣте: Баронъ любезный
 Былъ новый Спернъ, коль Сперны есѣ.
 Онъ былъ рожденъ корзины плеснѣ
 Для дѣвъ Аркадіи прелесной,
 Жилъ въ вѣкъ златой; и Богъ ужъ всѣхъ,
 Какъ онъ попалъ въ нашъ вѣкъ желѣзный,
 Гдѣ вся работа: всѣхъ, да пилѣхъ.
 Онъ одного хопѣлъ—любилѣхъ.
 И съ мыслью, полною мечпою,
 Съ душой, исполненной огнѣхъ,
 Скучалъ онъ сердца пусшопомъ,
 Худѣлъ примѣшпо день онѣ дня.
 Задумчивый въ веселомъ кругѣ,
 Молчалъ на балы онѣ вѣжалъ.
 Чего-то впайнѣ онѣ искалъ:
 Искалъ цѣвнѣхъ на Русскомъ лугѣ,
 И весь лугъ Русскій браковалъ.

XXIII

«Тоска змѣя тебѣ подкосилѣ»
 Я говорилъ ему давно:
 «Земля и небо неравно;
 «Кудажъ мечпою тебѣ заносилѣ?»
 Онѣ ошвѣчалъ всегда одно:
 «*Мнѣ скушно, сердце нищѣ проситѣ.*»
 Но онѣ поэтѣ, вотѣ пѣсня вамѣ:
 Онѣ все то выскажѣтъ въ ней самѣ.

Хоръ игривый, звучи!
 Веселися, кружись,

Молодая толпа !
 Не пляшу, не пою !
 Руку бросьте мою !
 Я весь занятъ мечтой !

И сквозь зимній туманъ
 Все мнѣ чудится сонъ:
 Мнѣ смѣется мечта,
 Мнѣ мелькаетъ цвѣтокъ:
 Онъ спонитъ одинокъ,
 Онъ пльнѣетъ меня !

Налети, бѣлый свѣтъ !
 Разыграйся, морозъ !
 Жаркій призракъ, ошпынь !
 То пустыя мечты !
 Не растутъ тѣ цвѣты
 На родимыхъ поляхъ.

Изъ этой пѣсни мой чиншатель
 Легко замѣнитъ, что Баронъ
 Во вкусъ Геснера мечшатель ;
 Что онъ и жалокъ и смѣшонъ;
 Что нашимъ миленькимъ дввицамъ;
 Не знаетъ полной онъ цѣны;
 Что мысли въ немъ прильплены
 Къ какимъ то свѣшлымъ небылицамъ
 Несуществующей спраны.

XXVIII

Но третій часъ. Съ почтенъемъ къ тайнъ,
 Хозяйка вышла. Врачъ замкнулъ

За него дверь, подвинуль стулъ.
 Подавъ болѣзней описанье,
 Спрадамецъ руки протянулъ.
 Двоимъ для пульсовспытанья
 И, глядя трепъшему въ парикъ,
 Преважно высунуль языкъ.
 Пожавъ значительнo плечами,
 Врачи спешенно, на совѣтъ
 Уходящъ мѣрными шагами
 Въ уединенный кабинетъ.
 Баронъ, какъ слѣдуетъ мушкетъ,
 Не задрожалъ, не поблѣднѣлъ,
 Но опъ недуга между дѣлъ,
 Подсѣвъ къ трепещущей кузинѣ,
 Спросилъ, болѣешку и поѣлъ.

XXIX

Межъ тѣмъ кузина въ нестерпѣньи
 Мечтася: какъ бы какъ нибудь
 Ей въ кабинетъ ихъ заглянуть?
 Легка, идешь, какъ дуновение,
 Не смѣя молвить, нидохнуть.
 Поднявъ личинку надъ замкомъ,
 Она глядитъ въ него тайкомъ.
 Одинъ, на креслахъ лежа, дремлетъ;
 Другой предъ зеркаломъ власы
 Гребенкой часною подъемлетъ
 Для ихъ порядка и красы;
 Спивною третей у каминна;
 И всѣ толкуютъ: съ языкомъ
 Кто медицинскимъ ихъ знакомъ?

Но врядъ ли, говорить кузипа,
Была та рѣчь ихъ о больномъ.

XXX

Но воптъ кузипа опскачила,
И ужъ на тройственнѣй соборъ.
Идетъ больной на приговоръ.
Таинственна ихъ думы сила,
Всепроницателенъ ихъ взоръ,
И судъ ихъ вѣренъ, какъ могила.
Врачъ милый, всемъ знакомый намъ,
Приговорилъ его къ водамъ;
Другой—декокшомъ полъчинился;
А третій—вѣрно холоспой—
Приговорилъ его жениться.
Совѣтъ разумный и благой.
Барбѣ задумался; но съ скуки
Врачи зашаркали: пора
Давно вамъ вѣхатъ, докторъ!
По одиночку сжавъ или руки,
Больной ведетъ ихъ... но съ двора.

XXXI

Съ утра опсправленную въ ссылку,
Въ подвалъ запасливый на ледъ,
Слуга на встрѣчу имъ несетъ
Вина мятежнаго бупылку.
Снимаесть малецъ, пробка бьется,
Упавъ на длинную подспилку,
Дала скачекъ и на себѣ,
Вершитъ, катая V. C. Р.

Бокалъ шумитъ; вино играетъ,
 И бьетъ и въ голову и въ носъ;
 Хозяйка милая чихаетъ
 И докторъ пронулся до слезъ.
 Осушено. Ужъ быстро къ дому
 Колеса шумныя бѣгутъ,
 Врачи, раскланявшись, идутъ,
 Привѣпно вымолвивъ больному:
 «*Wo gutes Ende, alles gut!*»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
 въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
 Мая 13 дня, 1831:

Ценсоръ С. Аксаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Предложеніа изъ Іова (<i>С. Глинки</i>).	24
Непригожей Матери (<i>Шевырева</i>).	49
Спѣвъ (<i>Ознобищина</i>).	74
Порывъ описавшаго Гусара (<i>Хомякова</i>).	166
Прокаженный. Дума (<i>А. Б-ва</i>).	233
Памяти Борщяковаго (<i>Тришнинаго</i>).	239
На сонъ грядущій (<i>Хомякова</i>).	311
Доспоминаніе женщины, изъ <i>Шиллера</i>	351
Русскимъ Литераторамъ, о необходимости составить Русскій Рюмаръ. (<i>С</i>).	382
Ночные Духи (<i>Н. Станкевича</i>).	470
Разсвѣтъ (<i>Ознобищина</i>).	511

ПРОЗА

Пребываніе Петра великаго въ Парижѣ. (изъ записокъ <i>Г. Ришелье</i>).	3
Отрывокъ изъ Романа: <i>Удивительный Че-</i> <i>ловѣкъ</i> (<i>Н. А. Яковлева</i>).	31
Мщеніе. (Эпизодъ изъ лѣтописей современ- ной жизни).	75, 168, 313 и 474

НАУКИ

Свѣдѣніе и происхожденіе заразы вообще и въ особенности холеры. (<i>А. А. Ловца-</i> <i>каго</i>).	52, 235, 354 и 513
Телеск. Ч. II.	39

Египетскіе Зодіаки.	143
Историческія размышленія объ отноше- ніяхъ Польши къ Россіи (<i>М. П. Пого-</i> <i>дина</i>).	295

КРИТИКА

Русскія книги:

Пѣсни и Романсы, <i>А Мерзлякова</i>	86
Что такое хорошій понь? Сѣв. Амер. Ро- манъ, перев. <i>К. Масальскимъ</i>	93
Граубинденъ, или Берегъ Волшебницъ, соч. <i>Ганри Цюокке</i>	97
Дорошенко.	98
Чувствованіе Московскаго мѣщанина во время существованія эпидемической бо- лѣзни въ Москвѣ.	99
Опытъ Словаря, древнихъ Славянскихъ словъ и реченій, сост. <i>А. Петровымъ</i>	100
Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, соч. <i>Берхольцъ</i> , изд. <i>Слепцынъ</i>	100
Справникъ. Сочиненіе <i>А. Вельтмана</i>	240
<i>Христиана Лодера</i> объ эпидеміи холеры въ Москвѣ.	245
Краткое наставленіе о холерѣ, <i>М. Муд-</i> <i>рова</i>	251
Краткое описаніе холеры, <i>А. Поля</i>	253
Сочиненія <i>А. Венизитинова</i> . Ч. II, Проза.	383
Басни и Параболы <i>Н. Бенещкаго</i>	386
Басни <i>А. Зилова</i>	388
Дѣтскій Театръ. Соч. <i>Б. Оедорова</i>	389
Сокращеніе всеобщей Исторіи (<i>А. Преобра-</i> <i>женскаго</i>).	533
Бѣглець. Повѣсть въ стихахъ. Соч. <i>Вельт-</i> <i>мана</i>	539

Размышленія о важнѣйшихъ исповѣдахъ религій <i>Иерусалима</i> , пер. <i>Т. Крылова</i>	542
Осень. <i>Н. Шапрова</i>	544

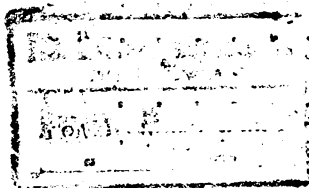
Иносправныя книги:

Observations faites sur le cholera-morbus, dans le quartier de la Yakimanca, à Mos- cou, par <i>B. Zoubkoff</i>	253
Pensée sur le cholera-morbus, par <i>D. Mar- cus</i>	256
Etude de la langue Française en comparaison avec la langue Russe, par <i>H. Gay</i>	390
Betrachtungen über die Ursachen der Größe und des Verfalls der Spanischen Monarchie, von <i>Sempere</i> . Essai sur la science et sur la foi philosophi- que, par <i>Ancillon</i>	546

СОВРЕМЕННЫЯ ЛЬПОПИСИ:

Новое образованіе военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Опшоманской Имперіи. 107 и 267	
Портретъ Бругтама.	127
Старинное пророчество о Папахъ.	283
Римскіе праздники. (<i>Письмо изъ Рима</i>).	402
Захарія Вернеръ.	435
Современная хроника:	
Вандализмъ Парижанъ.	419
Состояніе женщинъ въ Греціи и Турціи.	424
Новосты наукъ и искусствъ:	
Ропоть на Парижскую Академію Наукъ.	134
Перечень замѣчательнѣйшихъ опусто- шеній, произведенныхъ наводненіями.	135
Новый Французскій Журналь въ Лондонѣ.	138
Новыя карпины <i>Горація Вернета</i>	292
Изверженіе Этны.	293
Археологическія находки.	427

Стукай, пробудивший чудный талант	
<i>Пазанам.</i>	428
Новый несгораемый орудье.	430
Переводъ стихотворения Козлова на	
Английскій языкъ <i>Томасомъ Муромъ.</i>	567
Упадокъ писателей въ Англіи.	570
ПРАВЫ	
Каррикантуры. Опырынокъ изъ повѣсти:	
<i>Московскія минеральныя воды (Ис-</i>	
<i>лева).</i>	573
Ко второй части предложень портрета З.	
<i>Вернера.</i>	

VII. Англійскіе журналы. 553

VIII. Новости Наукъ и Искусствъ: *Перев.*
стихотвореніа Козлова на Англійскій
языкъ Г. Муромъ.— Упадокъ Англій-
скихъ Театровъ 567

IX. Каррикашуры. Опрывокъ изъ повѣ-
стии въ спихахъ: *Московскіа мине-*
ралныа воды. (Исслѣза). 573

Къ сей книжкѣ приложенъ портретъ **З.**
Вернера.

Телескопа выходить ежемѣсячно по двѣ книжки. Цѣна годовому изданію отдѣльно въ Москвѣ 25 р., съ пересылкою въ другіе города 30 р. асс., вмѣстѣ съ *Молвою*, *Журналомъ Модъ и Новостей*, *Телескопъ* стоить въ Москвѣ 40 р., съ пересылкой 50 р. асс.

Подписка принимается въ Москвѣ: у Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета *А. С. Ширяева*, въ Университетской книжной лавкѣ; на *Кузнецкомъ мосту*: въ книжныхъ лавкахъ *Готье*, *Урбена*, *Семена* и *Эльцнера*; на *Никольской улицѣ*, въ книжныхъ лавкахъ *А. и П. Глазуновыхъ*, также и въ квартирѣ *Издателя: въ Старой Кокюшенной, въ приходѣ Власіа, въ домѣ Голынской; Въ С. Петербургѣ: у книгопродавца А. Ф. Смирдина. Гг. иногородные благоволятъ опшеситься съ своими требованіями въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.*

